Эдуардъ Мейеръ,
профессоръ университета въ Галле.

РАБСТВО ВЪ ДРЕВНЕМЪ МІРѢ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО
А. В. Вихерскаго.

Цѣна 30 коп.

Изданіе магазина „КНИЖНОЕ ДѢЛО".
Москва, Моховая, домъ Бенкендорфъ.

Эдуардъ Мейеръ,
профессоръ университета въ Галле.

РАБСТВО
ВЪ ДРЕВНЕМЪ МІРѢ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО
А. В. Вихерскаго.

МОСКВА.
Изданіе магазина „Книжное Дѣло“,
Моховая, д. Бенкендорфъ.
1899.

Типографія

Дозволено цензурою. Москва, 24 апрѣля 1899 года.

Заландина. Москва, Волхонка, д. Михалкова.

Историку, который рѣшается говорить передъ публикой, интересующейся экономическими вопросами, на тему изъ экономической исторіи, приходится преодолѣвать немало затрудненій. Вѣдь если бы даже онъ, чтобы достигнуть дѣйствительнаго пониманія историческаго развитія и никогда не упускалъ изъ виду экономическихъ условій прошлаго, если бы даже форма, которую приняла историческая проблема подъ вліяніемъ соціальной борьбы нашего времени, болѣе чѣмъ когда либо заставляла его удѣлять особенное вниманіе этимъ вопросамъ, все же онъ привыкъ разсматривать ихъ подъ другимъ угломъ зрѣнія, чѣмъ экономистъ. Нерѣдко онъ будетъ связывать съ какимъ нибудь выраженіемъ иное представленіе или, по меньшей мѣрѣ, придавать ему иной оттѣнокъ, чѣмъ этотъ послѣдній; для него въ какомъ либо явленіи хозяйственной жизни соціальныя проблемы займутъ нѣсколько иное мѣсто. Наоборотъ, ему грозитъ та опасность, что онъ будетъ приписывать и своимъ слушателямъ сужденія о какой либо прошлой эпохѣ и оцѣнку ея, сужденія, которыя кажутся ему вполнѣ понятными, съ которыми онъ освоился и которыя, быть можетъ, составляютъ даже безсознательную предпосылку его собственныхъ историческихъ воззрѣній, и напередъ допускать, что и его слушатели связываютъ съ извѣстной исторической эпохой такое же воззрѣніе, такую же картину эконо-

мической подкладки ея, какъ и онъ самъ. Однако, въ умѣ слушателей ассоціируется, быть можетъ, совершенно иная картина со словами: римская имперія, средніе вѣка, эпоха крестовыхъ походовъ, возрожденія, открытій. Эта картина можетъ покоиться на школьныхъ воспоминаніяхъ или на впечатлѣніи, оставленномъ въ болѣе позднее время чтеніемъ замѣчательныхъ сочиненій, которыя однако наука не считаетъ уже болѣе достаточными, а главнымъ образомъ—на религіозныхъ, философскихъ, экономическихъ теоріяхъ, на стремленіи, сознательно или безсознательно, но проявляющемся у каждаго, составить единую общую картину человѣческаго развитія и уже къ ней приноравливать отдѣльныя эпохи, подводить ихъ подъ это общее изображеніе. Независимо отъ того, правильно или ложно это воззрѣніе, продумано ли оно самостоятельно и сознательно, или же покоится лишь въ скрытомъ состояніи, во всякомъ случаѣ, оно является для слушателей такой же необходимо подразумѣваемой предпосылкой, какъ и для оратора—его воззрѣнія. Такимъ образомъ, можетъ произойти то, что если это различіе не было ясно выражено и сознано, они въ дѣйствительности никогда не поймутъ другъ друга, даже въ томъ случаѣ, если бы повидимому они и приходили къ взаимному согласію.

Это затрудненіе особенно настойчиво даетъ знать о себѣ тому, кто, подобно мнѣ, выбираетъ тему для бесѣды изъ древней исторіи. Ибо — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія—древность представляется современному человѣку въ своеобразномъ освѣщеніи. Было время, когда древность считалась идеальной эпохой въ исторіи человѣчества, эпохой, былой расцвѣтъ ко-

торой старались сопоставлять съ убожествомъ настоящаго. Тогда все, относящееся къ древности, представлялось въ блестящемъ освѣщеніи и казалось далеко превосходящимъ все то, что только могло бы быть выполнено, а поэтому измѣрялось неестественнымъ масштабомъ, совершенно не приложимымъ къ настоящему. Къ этому времени возникаетъ понятіе medium aevum, «мрачной» промежуточной эпохи варварства между двумя наивысшими пунктами исторической жизни — античнымъ періодомъ и современностью, которая приближается къ первому, какъ къ своему идеалу.

Но затѣмъ наступило время романтики и историческаго изслѣдованія. Существующія общественныя отношенія оказывались коренящимися скорѣе въ средневѣковьи, нежели въ древности. Равнымъ образомъ, замкнутость процесса античнаго развитія, гибель античной культуры, зарожденіе какъ бы совершенно новой жизни на развалинахъ римской имперіи одновременно съ возникновеніемъ германскихъ государствъ, явились поводомъ къ тому, что историческое изслѣдованіе во многихъ случаяхъ могло довольствоваться разсмотрѣніемъ процесса историческаго развитія, начиная хотя бы съ переселенія народовъ (или же, напр., для германцевъ— отъ Цезаря и Тацита), какъ замкнутаго въ самомъ себѣ, непрерывнаго, единаго процесса. Оно дало намъ возможность впервые понять и оцѣнить средневѣковый періодъ, оно сново возродило въ нашемъ сознаніи тотъ, почти совершенно забытый человѣчествомъ, фактъ, что еще задолго до эпохи возрожденія народы собственными силами выработали и развили своеобразную культуру, которую ни въ коемъ случаѣ нельзя низко оцѣнивать. Благодаря этому и зачатки ея выступили въ болѣе

ясномъ свѣтѣ; если прежде въ эпохѣ меровинговъ и въ положеніяхъ салическаго закона видѣли лишь грубое варварство, то теперь стали смотрѣть на нихъ, какъ на здоровые и жизнеспособные, хотя еще и необлагороженные зачатки мощно развивающейся народности, которая съ силою оттѣснила въ сторону угасающіе, вырождающіеся, а главнымъ образомъ національно обезличенные народы древности. Идеализація, съ которой до сихъ поръ обращались къ древности, была теперь перенесена на средневѣковье.

Но отсюда вытекалъ и дальнѣйшій выводъ. Развитіе средневѣковья исходило изъ вполнѣ первобытныхъ соціальныхъ и экономическихъ отношеній; что удивительнаго, если установилось представленіе, будто бы древность, какъ періодъ, предшествовавшій этой эпохѣ, должна представлять еще болѣе первобытное состояніе? Правда, соглашались, что пожалуй, на высшей точкѣ развитія древній міръ представлялъ нѣчто иное, но все же въ концѣ концовъ ходъ древней исторіи привелъ къ тому состоянію, которое мы находимъ въ эпоху меровинговъ и лангобардовъ. Поэтому и раньше — по весьма распространенной аргументаціи — не было ничего существенно отличнаго, и раньше дѣло не шло дальше простѣйшихъ хозяйственныхъ формъ: натуральнаго хозяйства, замкнутаго домашняго хозяйства и пр.; такъ, еще недавно намъ было возвѣщено, что древность не есть законченный, самостоятельный историческій процессъ. Въ связи съ этимъ стоитъ еще одно обстоятельство. Совершенно естественно, что послѣдовательный рядъ: древность — средневѣковье — новое время, превратился въ послѣдовательно прогрессирующій процессъ развитія, а комплексы понятій,

связанные съ этими тремя терминами, стали діаметрально противопоставляться другъ другу. Напоминаютъ о непрерывности историческаго развитія, которая не только закрѣпляетъ на вѣки то, что разъ достигнуто, но и съ однажды достигнутой ступени ведетъ безъ всякаго перерыва къ ближайшей высшей. Думаютъ, что можно провести параллель между развитіемъ человѣчества и жизнью отдѣльнаго человѣка, а такъ какъ новая эпоха, разумѣется, должна быть уподоблена зрѣлому возрасту, періоду полнаго расцвѣта силъ—болѣе старымъ никому вѣдь быть неохота,—то на долю средневѣковья, естественно, выпадаетъ роль юношеской поры, а древности приходится дѣтство. Что такой взглядъ вопіющимъ образомъ противорѣчитъ самымъ элементарнымъ историческимъ фактамъ, это совсѣмъ упускается изъ виду; тотъ полный разрывъ съ прошлымъ, тотъ неизмѣримый регрессъ, который произошелъ въ періодъ времени отъ Адріана до Карла Великаго, оставляютъ въ полномъ пренебреженіи — и лишь на томъ основаніи, что вѣдь жизнь отдѣльнаго человѣка въ пору его развитія не знаетъ подобныхъ перерывовъ, подобныхъ скачковъ назадъ, къ первымъ стадіямъ дѣтства.

Сила теоретическихъ построеній и предвзятаго мнѣнія настолько велика, что заставляетъ насъ совершенно забывать о тѣхъ моментахъ, въ которыхъ древность еще непосредственно внѣдряется даже и въ наше настоящее. Я не хочу говорить здѣсь о литературѣ, искусствѣ, наукѣ античнаго періода, хотя и они достаточно краснорѣчиво говорятъ объ этомъ, упомяну хотя бы о его правѣ. Когда историческое развитіе средневѣковья настолько подвинулось впередъ, что на-

личный правовой порядокъ пересталъ уже удовлетворять съ одной стороны требованіямъ экономическихъ отношеній, мало по малу измѣнившихся подъ вліяніемъ мѣновыхъ сношеній и денежнаго хозяйства, такъ и съ другой стороны потребностямъ вновь возникающаго государственнаго порядка, тогда обратились къ праву римской всемірной имперіи. И съ тѣхъ поръ, несмотря на всѣ измѣненія, дальнѣйшую разработку и замѣну новыми кодификаціями, все же римское право составляетъ даже и теперь основу нашего правового порядка, иными словами, изъ него произошли тѣ формы, въ которыхъ движется вся наша хозяйственная жизнь *). Такимъ образомъ, передъ нами замѣчательный фактъ: въ то самое время, когда раздаются страстныя жалобы противъ того односторонняго капиталистическаго духа римскаго права, который не только отравляетъ нашу социальную жизнь, но даже, властно утвердившись въ новомъ законодательствѣ, тѣмъ самымъ грозитъ и наше будущее держать въ оковахъ ложнаго соціальнаго порядка, въ то же время, съ другой стороны, подразумѣвается какъ не требующая доказательствъ истина, будто бы древность, создавшая такое право, не пошла дальше самыхъ примитивныхъ хозяйственныхъ формъ, будто бы домашнее хозяйство, «при которомъ весь хозяйственный круговоротъ отъ производства до потребленія протекаетъ въ замкну-

*) Лишь мимоходомъ я могу указать на то, какъ высоко стоитъ уже право двѣнадцати таблицъ и экономическія условія, которыя оно предполагаетъ, надъ ранними средневѣковыми правовыми уложеціями. Тутъ не можетъ быть и рѣчи о первобытномъ состояніи въ полномъ смыслѣ слова, оно уже въ дѣйствительности носитъ до извѣстной степени характеръ современности.

тыхъ предѣлахъ дома», было преобладающей формой экономической жизни древности, будто бы, если и существовали непосредственныя мѣновыя сдѣлки, то какъ единичныя явленія и лишь въ предѣлахъ одного города, а о народномъ хозяйствѣ, о мѣновыхъ сношеніяхъ, охватывающихъ, народы и государства, и о производствѣ на нихъ не можетъ быть и рѣчи. Естественное дѣло, что при такомъ взглядѣ значеніе экономической исторіи древности не можетъ идти дальше удовлетворенія просто историческаго интереса; разъ ея учрежденія столь радикально отличны отъ нашихъ, то ужъ само собою понятно, что наше время ничему не можетъ поучиться отъ этой эпохи.

И такъ, передъ нами съ полною опредѣленностью выступила противуположность мнѣній. Въ дѣйствительности именно здѣсь лежитъ основная и важнѣйшая задача, которую должна поставить себѣ экономическая исторія: слѣдуетъ установить, какъ возникла древняя культура, благодаря чему получили въ ней преобладающее значеніе, хотя бы въ меньшемъ объемѣ и въ иныхъ формахъ, тѣ же самыя вліянія и противуположности, которыя охватили и современное развитіе, какъ въ концѣ концовъ произошло крушеніе не подъ вліяніемъ какой-либо внѣшней катастрофы, но благодаря дѣйствію внутреннихъ силъ, какъ необходимое послѣдствіе самого этого процесса развитія, и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ западное человѣчество было низвергнуто съ высоты достигнутой имъ культуры, чтобы еще разъ съизнова начать тотъ же путь.

Съ особенной рѣзкостью выступаетъ эта проблема при изслѣдованіи предмета, о которомъ я хочу говорить теперь, — въ вопросѣ объ отношеніяхъ труда въ

древности. Что какъ служилое, такъ и рабочее население древности—въ земледѣліи, какъ и въ промышленности—большей частью состояло изъ рабовъ — фактъ общеизвѣстный. Число рабовъ въ древности опредѣляется многими милліонами, считается далеко превосходящимъ число свободнаго, гражданскаго населенія и такую оцѣнку дѣлаетъ не только популярное воззрѣніе, но въ гораздо большей степени и ученый міръ, историки и экономисты; что античное общество покоилось на неравенствѣ людей и на рабскомъ трудѣ, что античный міръ совершенно, или почти совершенно, не зналъ свободнаго рабочаго, что полноправному гражданину физическій трудъ казался дѣломъ недостойнымъ и позорнымъ, что онъ жилъ трудомъ другихъ, а свое время посвящалъ исключительно политической жизни или увеселеніямъ,— считается неопровержимымъ фактомъ. Широкой публикѣ такое представленіе кажется столь естественнымъ, настолько соотвѣтствующимъ политической и соціальной жизни древняго міра, что она въ лучшемъ случаѣ сочтетъ страннымъ парадоксомъ, если это представленіе будетъ серьозно оспариваться. Вѣдь, повидимому, именно здѣсь съ особенной рельефностью выступаетъ на видъ непрерывность прогрессивнаго развитія трехъ историческихъ эпохъ: въ древности рабство, въ средніе вѣка крѣпостничество — обнимая подъ этимъ именемъ всѣ многоразличныя отношенія зависимости трудящихся, а прежде всего населенія, занятаго земледѣльческимъ трудомъ, — отношенія, которыя въ главныхъ чертахъ можно охарактеризовать тѣмъ, что крѣпостной, въ какой бы степени онъ лично и экономически ни былъ прикрѣпленъ къ владѣнію, къ земельному участку или къ самому господину, все же имѣлъ значеніе какъ

членъ народной общины и слѣдовательно какъ личность, а не какъ вещь; въ новое время—свободный рабочій договоръ. Не разъ вѣдь высказывалось мнѣніе, что переходъ отъ рабства къ крѣпостничеству былъ настолько прогрессивнымъ явленіемъ, что подъ его вліяніемъ съ избыткомъ былъ возмѣщенъ тотъ уронъ въ духовныхъ и матерьяльныхъ благахъ, который повлекла за собою гибель древняго міра, что благодаря этому переходу средневѣковье, несмотря на все его варварство, должно занять въ исторіи человѣчества болѣе высокое мѣсто, чѣмъ древность. По этой же причинѣ— я могъ бы прибавить здѣсь—снова начинаетъ проявляться стремленіе искать въ церкви причину и основной факторъ столь благотворнаго развитія, хотя она въ дѣйствительности, какъ извѣстно, не оказала здѣсь совершенно никакого вліянія, а просто санкціонировала уже существующія отношенія.

Итакъ, приступимъ къ изслѣдованію, дѣйствительно ли рабство играло въ древности ту роль, какую приписываетъ ему набросанная выше теорія.

Институтъ рабства покоится на томъ фактѣ, что между различными племенами не существуетъ и не можетъ существовать какого либо первоначальнаго правового отношенія. Исключенія, которыя все же должно признать, въ сношеніяхъ торговли и гостепріимства между отдѣльными людьми, въ посольскихъ сношеніяхъ и при заключеніи договоровъ между цѣлыми племенами, тѣмъ яснѣе характеризуются какъ исключенія въ силу того, что они проявляются не въ правовой, но въ религіозной формѣ. Гдѣ нѣтъ на лицо этихъ предпосылокъ, тамъ военное состояніе представляетъ естественное отношеніе между двумя племе-

нами; съ врагомъ племени, захваченнымъ въ плѣнъ на войнѣ ли, грабежомъ или хитростью, могутъ поэтому дѣлать все, что угодно. Его могутъ убить; могутъ оставить ему жизнь и примѣнять для любой цѣли; какой либо правовой защитой противъ своего господина онъ не пользуется, хотя, съ другой стороны, племенное право защищаетъ отношенія власти своего сочлена надъ чуждымъ племени рабомъ, котораго онъ пріобрѣлъ тѣмъ или инымъ путемъ. Но и единоплеменникъ можетъ стать объектомъ этого отношенія посредствомъ юридическаго акта, за долги ли, или вслѣдствіе преступленія, подобно тому, какъ племя можетъ и лишить его жизни: вслѣдствіе этого онъ исключается изъ племенной общины и приравнивается человѣку чужого племени. *) Ибо всегда считали совершенно естественнымъ то правовое положеніе, что какъ на чужую вещь, такъ и на чужого человѣка можетъ быть пріобрѣтено неограниченное право собственности. Дѣло нисколько не измѣняется отъ того, существуетъ ли рабство въ какой либо политической группѣ, какъ повсемѣстное явленіе или только въ видѣ исключенія. Точно также тамъ, гдѣ крѣпостныя отношенія представляютъ господствующую форму отношеній зависимости, они никоимъ образомъ не исключаютъ рабства. Оно проходитъ красной нитью чрезъ все средневѣковье—тогда то и возникло вслѣдствіе войнъ съ славянами, бросавшихъ на рынокъ массы живого товара, слово *Sklave* (рабъ), которое распространилось у всѣхъ

*) Въ Греціи и Римѣ ставшій рабомъ соотечественникъ не могъ оставаться собственностью довѣрителя, такъ что его должно было продавать на сторону. Народъ Израиля, напротивъ, не дошелъ до такого заключенія.

народовъ западной и южной Европы, потому что къ этому времени старое слово *servus* стали употреблять для обозначенія отношеній крѣпостничества. Въ XV-мъ и XVI столѣтіяхъ рабство, какъ извѣстно, еще разъ достигло пышнаго расцвѣта на югѣ Европы, въ XVIII-мъ столѣтіи оно сдѣлалось весьма важнымъ экономическимъ факторомъ въ тропическихъ и подтропическихъ странахъ Америки. Впервые движеніе противъ рабства разорвало съ этимъ воззрѣніемъ въ концѣ прошлаго вѣка и постепенно въ нашемъ столѣтіи добилось того, что личная свобода была признана неотъемлемымъ правомъ каждаго человѣка и пріобрѣтеніе въ собственность людей было запрещено у всѣхъ культурныхъ народовъ. Какъ медленно шло къ побѣдѣ это воззрѣніе, которое мы считаемъ теперь совершенно естественнымъ и само собою понятнымъ—объ этомъ очень часто совсѣмъ забываютъ. Въ Пруссіи рабство было вполнѣ отмѣнено лишь въ 1857 г., а до тѣхъ поръ государство обязано было охранять право господской власти любого иностранца, хотя бы, напримѣръ, американца, который привезъ съ собою въ Пруссію своихъ невольниковъ. Въ нашихъ колоніяхъ мы и теперь еще юридически признаемъ существующія отношенія рабства, и съ хозяйственной точки зрѣнія было бы весьма опрометчиво, если бы мы пожелали здѣсь немедленно же идти дальше—къ полной отмѣнѣ рабства.

Я подчеркнулъ этотъ фактъ съ цѣлью указать, что существуетъ значительное различіе въ зависимости отъ того, въ какомъ объемѣ распространено рабство въ извѣстномъ государствѣ и представляетъ ли оно значительный или даже доминирующій факторъ въ хозяйственной жизни даннаго народа. Только въ послѣд-

немъ смыслѣ мы будемъ разсматривать рабство въ дальнѣйшемъ изложенiи. Съ другой стороны, слѣдовало бы охватить какъ цѣлое весь историческiй процессъ развитiя рабства вплоть до послѣдняго времени.

На этомъ основанiи изъ сферы нашего обзора отходитъ большая область античной жизни: это—народы, которые оставались на примитивной ступени, которые еще не дошли до осѣдлаго состоянiя и земледѣлiя или по крайней мѣрѣ не пошли дальше начальныхъ стадiй его, народы, какъ скифы, фракiйцы, кавказскiя племена, затѣмъ кельты и германцы въ тотъ перiодъ, когда они впервые выступаютъ на сценѣ исторiи. У этихъ народовъ мы вездѣ находимъ знать, владѣющую огромными стадами и сокровищами, а рядомъ съ нею множество закрѣпощенныхъ батраковъ, которые пасутъ стада знатнаго, удовлетворяютъ его потребности, составляютъ свиту, сопровождающую его въ походахъ. Въ личныхъ отношенiяхъ ихъ къ господину представлены всѣ послѣдовательныя ступени вплоть до полной безправности. Это—состоянiе, которое одинаково удержалось у турецкихъ, монгольскихъ, африканскихъ и другихъ племенъ даже и до нашего времени. Нерѣдко среди такихъ несвободныхъ мы находимъ военноплѣнныхъ, похищенныхъ и даже купленныхъ невольниковъ, но главную часть ихъ составляютъ единоплеменники, почему либо потерявшiе свободу, которые однако отъ рабовъ въ собственномъ смыслѣ отличаются тѣмъ, что принадлежатъ къ тому же племени, какъ и ихъ обладатели, что они, несмотря на рабское состоянiе, связаны съ этими послѣдними общностью языка и общностью происхожденiя. Въ единичныхъ случаяхъ, какъ у кельтовъ въ Галлiи или у иберовъ на Кавказѣ, эти отношенiя удержались и на болѣе высокой ступени культурнаго развитiя, когда уже вполнѣ совершился переходъ къ осѣдлому состоянiю. Весьма интересную задачу составило бы изслѣдованiе того, какъ культурные народы древности перешли изъ подобнаго состоянiя на высшую ступень культуры и хозяйства,— извѣстно, что тотъ же самый вопросъ снова возникаетъ относительно германцевъ и славянъ начальнаго перiода средневѣковой эпохи. Но приступить къ болѣе детальному разсмотрѣнiю этого вопроса значило бы выйти далеко за предѣлы намѣченной нами темы. Мы начнемъ свое изслѣдованiе съ того момента, когда уже произошелъ переходъ къ осѣдлости, когда наряду съ скотоводствомъ выступаетъ земледѣлiе (куда я причисляю винодѣлiе и добыванiе маслъ), которое мало по малу получаетъ значенiе преобладающаго фактора въ народной жизни. Поэтому то мы и должны обратиться прежде всего не къ великимъ культурнымъ народамъ востока, какъ бы ни было богато ихъ историческое наслѣдiе — на томъ именно основанiи, что оно принадлежитъ уже тому времени, когда они успѣли достигнуть очень высокой ступени, пожалуй даже въ извѣстномъ смыслѣ наивысшей ступени культурнаго развитiя, — но къ тѣмъ народамъ, развитiе которыхъ мы имѣемъ возможность прослѣдить до болѣе первобытнаго состоянiя, къ израильтянамъ, грекамъ и италiйскимъ племенамъ, главнымъ образомъ, къ римлянамъ.*)

Израильскiй народъ послѣ полнаго подчиненiя Па-

*) Конечно, что касается римлянъ, то первыя свѣдѣнiя о нихъ относятся къ гораздо болѣе позднему перiоду и болѣе скудны, чѣмъ свѣдѣнiя объ израильтянахъ и грекахъ.

лестины, «когда народъ успокоился», приблизительно къ началу эпохи царей, греческія государства въ ту эпоху, отраженіе которой мы находимъ въ гомеровскомъ эпосѣ и гезіодовой поэмѣ о трудѣ, Италія во времена могущества этруссковъ и царскаго періода въ Римѣ— поскольку мы вообще можемъ судить объ этомъ — обнаруживаютъ въ основныхъ чертахъ, несмотря на всѣ различія въ деталяхъ, одну и ту же картину. Рядомъ съ главою племени, который является лишь главнымъ предводителемъ войска, верховнымъ судьею и предсѣдателемъ совѣта старѣйшинъ, мы вездѣ находимъ знатные роды, владѣющіе большими имуществами, состоящими изъ земельныхъ владѣній и стадъ скота. Основу государственнаго порядка образуетъ военная община свободныхъ людей. У нихъ свое землевладѣніе и свой скотъ, они собираются на сходки, снаряжаются на войну, участвуютъ въ походахъ, подаютъ голосъ въ собраніяхъ, они имѣютъ долю въ общинномъ имуществѣ, принимаютъ участіе въ празднествахъ и пиршествахъ; правда, въ политическомъ и соціальномъ отношеніи они находятся подъ сильнымъ вліяніемъ знати, но они все же полноправные члены общины, ихъ объединяютъ кровныя связи, на которыхъ большею частью покоится правовой порядокъ, и знатные являются лишь признанными руководителями ихъ. Напротивъ, внѣ политической общины, хотя и съ сохраненіемъ полной личной свободы, стоятъ прочіе единоплеменники, тѣ, которые не имѣютъ никакой доли въ землевладѣніи, съ одной стороны—ремесленники, «люди работающіе на общину» (а не на самихъ себя)—какъ гласитъ вполнѣ опредѣленное греческое выраженіе, — кузнецы, плотники, музыканты, врачи, гадальщики,

предсказатели *) и т. д.,—съ другой стороны, поденщики (ѳеты грековъ), состоящіе на службѣ у благородныхъ и у землевладѣльцевъ или ведущіе хозяйство на мелкихъ участкахъ принадлежащихъ знатнымъ имѣній. Ремесленники у израильтянъ, подобно тому какъ и въ Римѣ, были организованы въ товарищества, цехи, которые являлись какъ бы возмѣщеніемъ недостающихъ имъ кровныхъ связей; поденщики же, напротивъ, всегда находятся въ отношеніи личной зависимости, ограничивающимъ правоспособность ихъ и возлагающимъ на нихъ извѣстныя натуральныя повинности и личную службу: это «крѣпостные» (clientes)—совершенная аналогія съ крѣпостными въ эпоху средневѣковья. Какъ и въ средніе вѣка, отношенія крѣпостной зависимости обнаруживаютъ здѣсь всѣ постепенные переходы отъ подобія наслѣдственной аренды (какъ въ Аттикѣ) или барщины и подати лично свободнаго рабочаго (какъ у Израильтянъ) и до полнѣйшей закабаленности (какъ въ Ѳессаліи, Арголидѣ, Спартѣ, Критѣ и др.) Обыкновенно право на это отношеніе зависимости достается отдѣльнымъ свободнымъ членамъ общины, главнымъ образомъ (хотя и не исключительно) знатнымъ, которые за это обезпечиваютъ своимъ подчиненнымъ юридическую защиту и безопасность, выступаютъ въ защиту ихъ передъ общиной и судомъ—въ этой формѣ, какъ извѣстно, кліентура въ Римѣ сохранилась въ качествѣ лично правового института до болѣе поздняго

*) У израильтянъ сюда относились и жрецы, „левиты". У грековъ какъ и въ Египтѣ, они наоборотъ всегда повидимому были членами общины, часто даже изъ уважаемыхъ семействъ, и, кромѣ предоставляемаго въ ихъ пользованіе или арендуемаго ими божьяго дома, имѣли собственныя владѣнія.

времени, когда экономическія условія, на почвѣ которыхъ она возникла, давно уже исчезли безъ слѣда. Въ другихъ случаяхъ они стоятъ въ зависимости отъ всей общины, которой уплачиваютъ подать и которой при извѣстныхъ обстоятельствахъ они даже должны отдавать весь доходъ отъ своихъ полей за вычетомъ того, что требуется для содержанія ихъ самихъ и ихъ семей, независимо отъ того, дѣлится ли доходъ между всѣми гражданами или изъ него покрываются издержки на общинныя пиршества свободныхъ, какъ на Критѣ, или же онъ распредѣляется между единичными гражданами, какъ въ Спартѣ. Очень часто источникомъ этого отношенія является покореніе болѣе слабаго племени. Такъ напр., при подчиненіи Палестины ханаанскіе жители сохранили личную свободу, но обязаны были отбывать натуральныя повинности и уплачивать подать общинѣ—королю или напр., іерусалимскому храму; въ греческихъ колоніальныхъ владѣніяхъ, въ нижней Италіи и Сициліи, въ Гераклеѣ на Понтѣ, въ Византіи и др., напротивъ, туземное населеніе подверглось закрѣпощенію, но не могло быть продаваемо на сторону. Аналогично этому положеніе крѣпостныхъ въ дорическихъ государствахъ (Аргосъ, Критъ, Спарта), пенестовъ въ Өессаліи, хотя и здѣсь античная и современная теорія всегда считала ихъ за потомковъ подчиненнаго первоначальнаго населенія. Напротивъ, древнѣйшая традиція видитъ въ илотахъ Спарты гражданъ, у которыхъ было отнято право гражданства, потому что они не исполняли своихъ служебныхъ обязанностей, и это въ большинствѣ случаевъ можно считать вѣрнымъ. Ибо эти крѣпостные, какъ бы ни были они безправны, все же всегда считались членами народа; илоты, напр.,

были столь же лакедемонянами, какъ и ихъ повелители-спартіаты. Въ сущности подобное закрѣпощеніе значительнаго числа единоплеменниковъ въ гораздо большей степени было вызвано экономическими причинами, нежели войнами. Кто долженъ былъ работать на другихъ, кто владѣлъ столь малымъ имуществомъ, что вся его дѣятельность уходила на обработку его поля и на уходъ за скотомъ, тотъ сдѣлался неспособнымъ ходить въ походы и принимать участіе въ политической жизни. Сверхъ того, въ то время, когда рѣшающая роль принадлежала личному значенію и личному вліянію, онъ былъ беззащитенъ передъ сильными людьми, достигшими руководительства общинными дѣлами, онъ нуждался въ чужой защитѣ, чтобы не быть вполнѣ безправнымъ. Поэтому онъ въ однихъ случаяхъ добровольно, въ другихъ вынужденно вступалъ въ то или иное отношеніе зависимости. Онъ отрекался отъ личной свободы, отъ права гражданства, которое ложилось на него тяжелымъ бременемъ, ничего въ то же время не давая ему взамѣнъ, и, вступая въ отношеніе крѣпостного, получалъ обезпеченіе и защиту для себя, своей семьи и своего имущества.

Но здѣсь пути расходятся. У израильтянъ деспотическое царство, возникшее на почвѣ потребностей защиты противъ внѣшнихъ враговъ, ограничило политическія права общины, что мы можемъ наблюдать и на другихъ государствахъ востока, и даже полноправныхъ гражданъ заставило платить оброкъ и отбывать барщину; именно этимъ путемъ и изгладилось различіе между ними и ихъ подданными. Втеченіи періода царей произошло полное сліяніе израильтянъ съ хананеянами. Наоборотъ, въ Греціи и Италіи результатомъ культур-

наго прогресса повсюду явилась концентрація полноправнаго гражданства въ главномъ пунктѣ общины, въ городѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и окончательное упроченіе господства знати. Кто не принималъ участія въ политической жизни, кто жилъ въ провинціи, не имѣя своего дома въ городѣ, тотъ вычеркивался изъ числа гражданъ, хотя личная свобода его и оставалась неприкосновенной. Но чаще, какъ напр., въ дорическихъ государствахъ, въ Этруріи и др., все сельское населеніе, какъ уже было упомянуто, попадало въ крѣпостную зависимость отъ городовъ или даже отъ одной только знати.

Если мы теперь зададимся вопросомъ: какъ обстояло дѣло въ эту эпоху съ трудомъ и съ рабствомъ? — то прежде всего выступаетъ на видъ тотъ фактъ, что рабство играетъ лишь весьма подчиненную роль и ни въ коемъ случаѣ не представляетъ собою доминирующаго фактора экономической жизни. Конечно, рабовъ было достаточно, но преобладающее большинство ихъ составляли *женщины*, взятыя ли въ плѣнъ на войнѣ, добытыя ли путемъ похищенія или даже покупаемыя у иноплеменныхъ торговцевъ, — таковыми были для израильтянъ караваны бедуиновъ, для грековъ финикійскіе купцы—мореплаватели. Рабыни служили во всякомъ случаѣ прежде всего — и этого отрицать невозможно—для удовлетворенія половой потребности: рабство и именно домашнее рабство исполняло при несложныхъ отношеніяхъ того времени главнымъ образомъ ту функцію, которая позже приходится на долю болѣе или менѣе урегулированной проституціи *). Въ остальномъ рабыни служатъ для того, чтобы вмѣстѣ съ госпожею дома и ея дочерьми исполнять ту работу, для которой еще только начинающееся раздѣленіе труда не создало отдѣльныхъ ремеслъ,—размалываніе зерна и обжиганіе посуды, пряденіе и шитье (убой животныхъ и выжиманіе вина составляютъ дѣло мужчинъ); невольницы съ востока, славившіяся своимъ искусствомъ въ рукодѣліи, цѣнились особенно высоко и дорого продавались. Не было недостатка и въ рабахъ — мужчинахъ; но ихъ было далеко меньше. Вѣдь и у себя подъ руками рабочихъ силъ имѣлось достаточно, а съ побѣжденнымъ врагомъ много не сдѣлаешь. Онъ строптивъ и непокоренъ, его трудно держать въ повиновеніи: «рабы—значится въ Одиссеѣ, 17, 320 и слѣд.—не хотятъ, если господа ихъ не позаботятся объ этомъ, хорошо выполнять свой урокъ; ибо Зевесъ отнимаетъ у человѣка половину его силъ»,—т. е. способности къ работѣ, не о моральныхъ же силахъ говоритъ поэтъ,—«когда онъ попадаетъ въ батраки». Всѣмъ извѣстно, какъ мало сочувствія выражаетъ Гомеръ къ захвату въ плѣнъ на войнѣ. Иногда побудительнымъ мотивомъ къ этому служилъ разсчетъ на полученіе выкупа или возможность продать плѣнника на чужбину, но обыкновенно въ немъ видѣли только врага, которому желали отомстить, котораго старались обезвредить и уничтожить. И вотъ почему какъ у израильтянъ, такъ и

*) Кромѣ того повсюду встрѣчается религіозно-организованная проституція въ храмахъ великихъ богинь природы и половой жизни, которая отчасти, особенно въ семитическомъ мірѣ и въ Малой Азіи, требовалась отъ свободныхъ дочерей народа при извѣстныхъ празднествахъ какъ религіозная обязанность, частью же практиковалась несвободными прислужницами при храмахъ (гіеродулы) профессіонально, почему и считалась нравственно безупречной.

у грековъ остался обычай—въ случаѣ, если война заканчивалась политическимъ уничтоженіемъ противника, завоеваніемъ и разрушеніемъ вражескаго государства, избивать цѣликомъ все взрослое мужское населеніе; обыкновенія брать его въ плѣнъ не существовало. Рабы—мужчины, которыхъ мы встрѣчаемъ у Гомера, это обыкновенно дѣти, добытыя путемъ похищенія или покупки.

Эти рабы употреблялись прежде всего для личныхъ услугъ господину. Богатый владѣлецъ знатнаго рода, хотя бы напр., какъ Эвмей въ Одиссеѣ, имѣлъ купленнаго пастуха, крестьянинъ—купленнаго батрака для полевыхъ работъ. Но число такихъ невольниковъ въ силу экономическихъ причинъ было весьма ограничено; продолжительное содержаніе чужого человѣка въ домѣ обходилось недешево. Историки греческой культуры совершенно справедливо разсматриваютъ рабство позднѣйшаго періода, рабство путемъ покупки, какъ нѣчто новое, еще незнакомое гомеровской эпохѣ, проникшее въ греческій міръ не ранѣе VII-го столѣтія. «Содержи въ порядкѣ прежде всего свой домъ и жену и упряжного вола и все имущество въ домѣ» — гласитъ первое положеніе Гезіода въ его предписаніяхъ относительно полевыхъ работъ — «съ тѣмъ, чтобы тебѣ не пришлось обращаться къ другому за ссудою, онъ тебѣ откажетъ и ты попадешь въ нужду, порядокъ у тебя исчезнетъ и твой доходъ уменьшится». Крестьянинъ-земледѣлецъ со своею женою является носителемъ и душою полевыхъ работъ, хотя при болѣе обширныхъ размѣрахъ хозяйства онъ никакъ не могъ обойтись безъ посторонней помощи, будь это поденщики—мужчины и женщины или же рабы — земледѣльцы. Оба

класса мы находимъ у Гезіода. Весьма характерно то, что вполнѣ недвусмысленное положеніе Гезіода, которое я привелъ выше, становится несообразнымъ и непонятнымъ, разъ мы предположимъ наличность развитого института рабства. Позднѣйшая вставка поясняетъ, что «жена» въ вышеприведенной цитатѣ, это купленная рабыня, которая должна слѣдовать за волами, а не жена въ домѣ; но Аристотель говоритъ: «изъ двойного сообщества—мужчины и женщины, и господина и работника состоитъ домъ; поэтому Гезіодъ говоритъ справедливо: держи въ порядкѣ свой домъ и женщину и упряжного вола; *ибо у бѣдныхъ волъ занимаетъ мѣсто невольника*»—доказательство, вдобавокъ, того, что еще во времена Аристотеля мелкій земледѣлецъ долженъ былъ обходиться безъ рабовъ.

Обрисованнымъ отношеніямъ соотвѣтствуетъ и личное положеніе раба. Передъ своимъ господиномъ онъ безправенъ; онъ исключенъ изъ общины, ибо онъ иноплеменникъ. Въ противуположность этому, онъ—членъ домашняго круга, *οἰκέτης*, какъ называютъ его греки. Поэтому онъ принимаетъ участіе въ домашнемъ культѣ, въ служеніи божеству дома и—несмотря на исключеніе изъ собственно государственнаго культа—въ тѣхъ общинныхъ культахъ и народныхъ праздникахъ, которые возникли изъ семейнаго культа, напр., въ праздникѣ антестерій въ Аѳинахъ, въ сатурналіяхъ въ Римѣ. Это воззрѣніе проходитъ черезъ весь античный міръ; но слѣдуетъ отмѣтить и крайне важное и характерное отклоненіе отъ него, состоящее въ томъ, что господинъ отрекается отъ своихъ правъ на раба и даруетъ ему свободу. Въ Греціи этотъ актъ велъ за собою возвращеніе раба къ тому общественному положенію, въ

которомъ стоялъ онъ (или его предокъ), прежде чѣмъ сдѣлался невольникомъ: именно, онъ лично свободенъ, но остается чуждымъ племени; поэтому онъ живетъ въ общинѣ не какъ равноправный сочленъ, не какъ гражданинъ, но какъ человѣкъ лишенный защиты, наравнѣ со всѣми другими чужеземцами, поселившимися въ общинѣ. Въ Римѣ же и это отношеніе понималось юридически опредѣленнѣе и послѣдовательнѣе. Домъ, какъ цѣлое, составляетъ здѣсь единицу, надъ которой глава дома имѣетъ абсолютную власть и абсолютное право распоряженія имъ. Рядомъ съ нимъ стоятъ слуги, челядь, *familia*, состоящая изъ свободныхъ, *liberi*—это дѣти дома,—и несвободныхъ, *servi*. Различіе между тѣми и другими заключается въ томъ, что сыновья, стоящіе относительно отца совершенно въ такомъ же положеніи, какъ и закрѣпощенные работники, являются однако членами общины и поэтому по смерти отца занимаютъ его мѣсто. Рабы же, наоборотъ, вообще говоря, не существуютъ для общины. Вотъ почему рабъ въ томъ случаѣ, если его господинъ въ юридически скрѣпленной формѣ, въ присутствіи представителей отъ общины отказывается отъ своего права владѣнія имъ, не можетъ оставаться въ положеніи какъ бы инороднаго придатка, ибо въ такомъ случаѣ онъ уже раньше стоялъ бы въ извѣстномъ скрытомъ правовомъ отношеніи; такъ какъ въ силу акта освобожденія онъ становится для общины субъектомъ права, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ становится и членомъ этой общины въ такой же мѣрѣ, какъ и родной сынъ; онъ получаетъ для себя и для всего своего потомства полное право гражданства (оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя болѣе фактическія, чѣмъ правовыя ограниченія).

Здѣсь, какъ и всюду, Римъ съ его прямолинейностью юридическаго мышленія обнаруживаетъ такую свободу мысли, которая вызываетъ тѣмъ большее изумленіе, чѣмъ глубже проникаешь въ нее.

Вопросъ о положеніи труда мы можемъ затронуть лишь вкратцѣ. Совершенно очевидно, что при томъ экономическомъ строѣ, который обрисованъ выше, какъ и при всякомъ другомъ, весь міръ долженъ работать для поддержанія жизни. «Въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ твой»—звучитъ заклятіе, наложенное Іеговою на человѣка при изгнаніи его изъ рая, а не «въ потѣ лица работника твоего ты будешь жить.» «Трудись, глупый Персей!»—вотъ напоминаніе, которое Гезіодъ даетъ своему брату; только трудомъ, только своими руками ты можешь обезпечить себѣ будущее. Какъ бремя, какъ мученіе, трудъ часто даетъ себя чувствовать, но о какомъ либо пренебреженіи или презрѣніи къ труду не можетъ быть и рѣчи. У каждаго человѣка—своя профессія и онъ долженъ выполнять ее; даже дѣятельность нищаго, который старается добыть отъ другихъ средства къ жизни, ничего не давая имъ взамѣнъ за это, понималась какъ профессія. Но отдѣльные виды профессій располагаются въ опредѣленномъ порядкѣ по нисходящей степени. Земледѣліе и скотоводство составляютъ исключительную профессію свободнаго человѣка; ремесло стоитъ ниже, потому что ремесленникъ стоитъ ниже, и является поэтому менѣе почетнымъ, нежели полевая работа. Первоначально даже богатые владѣльцы, благородные, лично участвовали въ работѣ; у Гомера королевскіе сыновья пасутъ скотъ и отправляются на поле присматривать за работниками. Но чѣмъ болѣе сословіе господъ выдѣляется

въ замкнутую, обособленную группу и чѣмъ болѣе усиливается политическая и личная зависимость крестьянскаго населенія, тѣмъ сильнѣе развивается тотъ взглядъ, что исконный удѣлъ благородныхъ—цѣликомъ посвящать себя политической и военной дѣятельности. Гомеровскій герой, спартанскій или критскій полноправный гражданинъ, ѳессалійскій наѣздникъ съ такимъ же верховнымъ презрѣніемъ смотритъ на физическій трудъ обливающихся потомъ крѣпостныхъ крестьянъ, какъ и, много вѣковъ спустя, средневѣковый рыцарь на виллана *).

Какъ видите, состояніе, которое мы находимъ здѣсь, это состояніе христіано-германскаго средневѣковья: рѣзкое разграниченіе наслѣдственныхъ сословій, господствующее положеніе землевладѣльческой военной знати, все усиливающаяся зависимость крестьянства, начиная отъ смягченныхъ формъ крѣпостничества или подданничества до полнѣйшей закабаленности, затѣмъ хотя и свободное, но презираемое и мало развитое ремесло. Напротивъ, рабство играетъ экономически лишь весьма подчиненную роль; его распространенность и значеніе во времена Гомера и Гезіода или во времена Давида едва ли больше, чѣмъ во франкскихъ государствахъ первой половины средневѣковья.

---

*) „Мое богатство—гласитъ застольная пѣснь критянина Гибріаса—копье и мечъ и прекрасный щитъ, закрывающій тѣло; ибо съ нимъ пашу я и собираю жатву, имъ выжимаю сладкій сокъ изъ виноградной лозы, за это я зовусь господиномъ надъ толпою подвластныхъ мнѣ. Но они не смѣютъ носить копье и мечъ и прекрасный щитъ охраняющій тѣло, всѣ они робко припадаютъ къ моимъ ногамъ и привѣтствуютъ меня какъ господина и великаго царя“.

Такимъ образомъ, у насъ оказалась существенно иная картина сравнительно съ тою, которая требуется схемой. Средневѣковое состояніе и крѣпостничество— не только дальнѣйшее историческое слѣдствіе отношеній, существовавшихъ въ цвѣтущую пору древности съ ея невольничьимъ хозяйствомъ, но они въ такой же степени предшествуютъ этой порѣ, они охватываютъ ее съ двухъ сторонъ. Конечно, этотъ фактъ извѣстенъ и защитникамъ оспариваемаго мною воззрѣнія, но власть теоріи надъ ними настолько велика, что ихъ это нисколько не смущаетъ и они не выводятъ тѣхъ заключеній, которыя отсюда слѣдуютъ. И все же каждому, кто хочетъ видѣть, совершенно ясно, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о единомъ прогрессивномъ развитіи, но дѣло идетъ о двухъ параллельныхъ процессахъ развитія, что переходъ отъ древности къ средневѣковью представляетъ не только обратный ходъ въ сферѣ культуры, литературы, искусства, государственнаго развитія, но и въ соціальномъ отношеніи обнаруживаетъ регрессъ, поворотъ къ тому состоянію, которое давно уже пережилъ древній міръ, состоянію, изъ котораго возникла и сама античная культура. Первая эпоха древности, гомеровская эпоха и ея, такъ сказать, параллели стоятъ на одномъ уровнѣ съ первой эпохой въ исторіи христіано-германскихъ народовъ и, подобно этой послѣдней, заслуживаютъ названіе *средневѣковья*; цвѣтущая пора древности соотвѣтствуетъ новому времени; съ какой бы стороны мы ее ни разсматривали, она можетъ быть приравнена *современности*. Но вслѣдъ затѣмъ настойчиво напрашивается такое заключеніе: если крѣпостничество аристократическаго періода древности—гомеровскаго времени—соотвѣтствуетъ эконо-

мическимъ отношеніямъ христіанскаго средневѣковья, то *рабство послѣдующаго періода античной исторіи стоитъ на одной линіи съ свободнымъ трудомъ новаго времени*, оно выросло изъ тѣхъ же моментовъ, какъ и этотъ послѣдній.

Показать это и составляетъ задачу второй части нашего очерка.

Землевладѣніе и сельское хозяйство не могутъ продолжительное время оставаться въ роли единовластныхъ экономическихъ факторовъ. Обмѣнъ и торговыя сношенія начинаютъ играть все большую роль, начинаетъ чувствоваться нужда въ чужихъ товарахъ и произведеніяхъ, а за нихъ нужно создавать извѣстный эквивалентъ. Обыкновенно послѣдствіемъ этой потребности является развитіе той отрасли туземной промышленности, которая работаетъ для экспорта. Въ результатѣ этого сильно поднимается значеніе ремесла, которое вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаетъ все большее уваженіе; а рядомъ съ мелкой промышленностью, производящей не болѣе того, сколько требуется ближайшими обитателями сосѣднихъ селъ, возникаетъ крупная промышленность, фабричная дѣятельность, производящая на запасъ и вывозящая на внѣшній рынокъ свои продукты. Но даже и тамъ, гдѣ въ качествѣ вывозной статьи производятся только сельскохозяйственные продукты, торговля властнымъ образомъ начинаетъ видоизмѣнять исконныя отношенія. Благородные металлы въ твердо установленномъ отношеніи другъ къ другу и въ опредѣленныхъ вѣсовыхъ нормахъ становятся всеобщими измѣрителями цѣнности, обладаніе ими становится неизбѣжностью для крестьянина не менѣе, чѣмъ для знатнаго, непосредственные мѣновыя сноше-

нія прежняго времени, натуральное продовольствіе рабочихъ силъ и натуральныя повинности зависимаго населенія мало по малу уступаютъ свое мѣсто денежному хозяйству. Мнѣ нѣтъ необходимости изображать здѣсь въ деталяхъ послѣдствія этого экономическаго переворота—разложеніе стараго порядка, освобожденіе народа отъ земли и отъ естественно сложившихся жизненныхъ отношеній, ограничусь лишь указаніемъ на то, что власть денегъ роковымъ образомъ ведетъ къ задолженности менѣе зажиточную часть населенія. Изъ году въ годъ возрастаетъ число людей низшихъ сословій—крестьянъ, ремесленниковъ, батраковъ, поденщиковъ, которые не въ состояніи уже выплатить свои долги и поэтому съ женами и дѣтьми попадаютъ въ рабство. У всѣхъ трехъ народовъ, которыми мы ограничили свой обзоръ, этотъ соціальный кризисъ наступаетъ приблизительно два вѣка спустя послѣ окончательнаго перехода къ осѣдлости и длится иногда столѣтіями, часто сопутствуемый бурными революціонными взрывами. Тѣ же самыя жалобы, которыя мы слышимъ въ устахъ пророковъ начиная съ Амоса, наполняютъ стихотворенія Солона и его современниковъ и чувствуются въ картинахъ, рисующихъ Римъ V-го и IV-го столѣтій.

Изъ того состоянія, которое намѣчено здѣсь лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, весь востокъ въ сущности никогда не выходилъ. Здѣсь экономическія отношенія оставались въ существенныхъ чертахъ неизмѣнными отъ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней. Выступаетъ ли какой нибудь новый народъ на историческую сцену, какъ напр., израильтяне, арабы, турки,—онъ впродолженіе приблизительно двухъ столѣтій, часто при тяже-

лыхъ внутреннихъ кризисахъ, приспособляется къ существующимъ отношеніямъ и вступаетъ въ кругъ наличной культуры. Промышленность и торговля всегда играли на востокѣ весьма значительную роль; но условія, при которыхъ они существовали и функціонировали, повсюду оставались довольно однообразными. Дамаскъ, Алеппо, Гаматъ и большіе города Египта и Вавилоніи за 1000 лѣтъ до Р. Х. едва ли существенно отличались отъ нынѣшнихъ. Къ полному уничтоженію старыхъ соціальныхъ расчлененій нигдѣ не дошло дѣло. И все же—а это для нашего обзора имѣетъ фундаментальное значеніе—рабство на востокѣ экономически никогда не играло большой роли. Здѣсь тоже слѣдовало бы радикально отрѣшиться отъ ходячихъ предразсудковъ. Рабство и до ограниченія его сферы подъ вліяніемъ эмансипаціонныхъ стремленій запада, въ сущности не простиралось на востокѣ дальше, чѣмъ полигамія; рабы, это не производительный, но очень дорого обходящійся домашній инвентарь; ими пользуются главнымъ образомъ для личныхъ услугъ. Какъ полигамія—четыре законныхъ жены и гаремъ невольницъ — въ области ислама была въ сущности распространена только въ тѣхъ кругахъ, въ которыхъ и у насъ она фактически существуетъ въ широкомъ распространеніи, но только въ неузаконенныхъ формахъ содержанія любовницъ и конкубината, тогда какъ исламъ легализируетъ ее и снимаетъ съ нея клеймо безнравственности,—такъ и домашнее рабство на востокѣ мы находимъ лишь тамъ, гдѣ и въ наше время пользуются штатомъ прислуги для личнаго услуженія. Напротивъ, въ сельскомъ хозяйствѣ рабства въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ вообще нѣтъ, а въ

ремеслахъ и промышленности оно существуетъ въ весьма ограниченномъ объемѣ. Вообще промышленность довольствуется свободными рабочими силами изъ своего народа. Только въ крупныхъ культурныхъ центрахъ восточнаго міра, въ Вавилоніи и въ сосѣднихъ съ нею областяхъ рабство въ сферѣ производства получило большее значеніе, чѣмъ въ древности и въ средніе вѣка. Во времена арабовъ въ Иракѣ, въ старомъ Вавилонѣ и Сузіанѣ множество рабовъ работали на фабрикахъ, и въ то время здѣсь нерѣдко происходили возстанія рабовъ. Можно было бы предположить то же самое и относительно крупныхъ финикійскихъ торговыхъ и фабричныхъ центровъ, какъ Тиръ, Сидонъ, Карѳагенъ; но заходить такъ далеко мы едва ли вправѣ при томъ недостаточномъ матерьялѣ, которымъ мы располагаемъ. Еврейскіе пророки бросаютъ упрекъ финикійскимъ торговцамъ не въ томъ, что они покупаютъ для собственнаго услуженія израильтянъ и іудеевъ, попавшихъ въ рабство за долги, а въ томъ, что продаютъ ихъ дальше, на чужбину, спеціально грекамъ. И въ Карѳагенѣ преобладающая масса промышленнаго населенія несомнѣнно состояла изъ свободныхъ гражданъ, которые политически находились въ подчиненіи у купеческой аристократіи.

Этимъ достаточно объясняется тотъ фактъ, что войны на востокѣ носили совершенно иной характеръ, чѣмъ у грековъ и римлянъ. Конечно, и на востокѣ практиковалась продажа военноплѣнныхъ, также какъ и похищеніе рабовъ, но торговля плѣнными никогда не достигала здѣсь тѣхъ размѣровъ, въ какихъ мы встрѣчаемъ ее у классическихъ народовъ, а къ столь сильному и продолжительному увеличенію числа не-

вольниковъ, что они начинали пріобрѣтать политическое и соціальное значеніе, здѣсь дѣло доходило только въ видѣ единичныхъ, исключительныхъ явленій, какъ напр., въ Египтѣ въ періодъ новаго царства. Въ большинствѣ случаевъ ограничивались наложеніемъ на побѣжденныхъ подати (трибута), оставляя покоренную область на положеніи вассальнаго царства или обращая побѣжденныхъ въ своихъ подданныхъ и назначая имъ своего намѣстника. Если война приводила къ политическому уничтоженію противника, то побѣжденныхъ поголовно избивали, какъ это не разъ дѣлали израильтяне. Когда впослѣдствіи, начиная съ середины VIII-го столѣтія со времени Тиглат-фала-сара III и Саргона ассирійцы дошли до идеи созданія великой объединенной державы, они могли поступать подобнымъ образомъ только въ видѣ исключеній. Уничтожать цѣлые народы по способу Чингис-хана и Тимура, при тѣхъ болѣе высокихъ цѣляхъ, къ осуществленію которыхъ они стремились, было бы безумнымъ дѣломъ, потому что матерьяльная потеря, которую они и ихъ государство должны были испытывать вслѣдствіе этого, была бы слишкомъ велика. Они переселяли отборную часть населенія или же въ единичныхъ случаяхъ, какъ напр., халдеи въ Іерусалимѣ, все населеніе цѣликомъ изъ его родины въ другой край и такимъ путемъ искореняли національность. Этому примѣру слѣдовали халдеи при Навуходоносорѣ и иногда персы. Но выселенные сохраняли личную свободу; они поселялись на землѣ и жили здѣсь при тѣхъ же условіяхъ, какъ и прочие подданные государства. Иногда они даже имѣли возможность, какъ напр., іудеи въ вавилонскомъ изгнаніи, быстро достигнуть на чужбинѣ матерьяльнаго достатка.

Мы видимъ, что интенсивная потребность въ рабахъ, жадная погоня за рабами, столь характеристичная для позднѣйшей римской республики, совершенно отсутствуетъ на востокѣ потому, что хозяйственныя отношенія здѣсь были совершенно иныя.

Итакъ, мы убѣдились въ томъ, что одного экономическаго прогресса, въ результатѣ котораго земледѣліе теряетъ свое преобладающее значеніе, одного развитія торговли и промышленности далеко еще не достаточно для того, чтобы поднять рабство на степень, не говоримъ уже доминирующаго, — но хотя бы вообще значительнаго фактора хозяйственной жизни. И если этотъ результатъ былъ достигнутъ впослѣдствіи у грековъ и римлянъ, то причину его слѣдуетъ искать въ совершенно другихъ моментахъ. Это, вообще говоря, политическія отношенія, получившіе здѣсь значеніе рѣшающаго свойства. Какъ разъ то преобразованіе государства, отъ котораго менѣе всего можно было бы ожидать этой роли, открыло широкій путь рабству: возникновеніе правового государства, устраненіе всякаго рода сословныхъ различій и политическихъ привиллегій, полное осуществленіе политической свободы и юридическаго равенства для всѣхъ подданныхъ государства, созданіе общаго гражданскаго права, разсматривающаго всѣхъ гражданъ какъ равныхъ и равноправныхъ.

Преобразованіе средневѣковыхъ отношеній, вызванное развитіемъ торговли, промышлености, денежнаго хозяйства, и совершившееся въ Греціи въ революціонный періодъ эпохи тирановъ въ VII-мъ и VI-мъ столѣтіяхъ, а въ Римѣ въ эпоху сословной борьбы V-го и IV-го вѣка, привело повсюду, гдѣ только старый порядокъ не поддерживался искусственнымъ образомъ,

какъ въ Спартѣ, Критѣ, Ѳессаліи и др., къ эмансипаціи сельскаго населенія и вмѣстѣ съ тѣмъ къ уничтоженію всякихъ привиллегій и средневѣковаго расчлененія народа на наслѣдственныя сословія, которыя каждому, родившемуся въ нихъ, предписывали профессію и способъ существованія. Рука объ руку съ этимъ идетъ введеніе писаннаго равнаго права и развитіе свободныхъ учрежденій, предоставляющихъ даже низшимъ сословіямъ возможность принимать участіе въ политической жизни. Благодаря этому создается свободный путь новымъ элементамъ, и все замѣтнѣе они начинаютъ проявлять вліяніе на соціальную жизнь. Ремесло освобождается отъ своего зависимаго положенія, совершенствуется и общественная роль его усиливается. Юридически, на словахъ, новыя учрежденія кажутся уравнительными; фактически же въ нихъ происходитъ ожесточенная борьба зарождающихся и борющихся за власть профессіональныхъ сословій. Новыя, стремящіяся впередъ сословія купцовъ и промышленниковъ стараются овладѣть политической властью, опираясь на то могущественное вліяніе, которое обезпечивали за ними ихъ богатства и интересы, совершенно отдавшіе въ ихъ руки если не юридически, то фактически большую часть населенія. Передъ лицомъ этого противника исчезаетъ старый антагонизмъ между знатью и крестьянствомъ; они объединяются въ общую партію земельныхъ интересовъ, въ партію аграріевъ и прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы избавить государство отъ вліянія діаметрально противуположныхъ интересовъ партіи капиталистовъ — борьба, охватившая Аѳины въ пятомъ вѣкѣ и наконецъ бурно разразившаяся во время пелопонесской войны. Подъ этими руководящимя классами стоитъ все растущій пролетаріатъ, люди, которые ничего не могутъ назвать своею собственностью, кромѣ своей рабочей силы, которую они вынуждены примѣнять на службѣ у другихъ. Они вырваны изъ старыхъ связей и старыхъ отношеній зависимости и должны сами бороться за свое существованіе. Но они юридически свободны и политически приравнены богачамъ — землевладѣльцамъ, купцамъ и фабрикантамъ; они составляютъ добрую половину всего числа гражданъ, если даже не больше. И они могутъ случайно достигнуть имущественной самостоятельности и благосостоянія, и они научились понимать силу послѣднихъ. Вотъ почему они образуютъ революціонный классъ, постоянно готовый обрушиться на господствующую партію, постоянно выступающій съ требованіями преслѣдованія и избіенія богачей, конфискаціи ихъ имуществъ и земельныхъ раздѣловъ; не разъ эта противуположность въ нѣдрахъ греческихъ государствъ разражалась грозою кровавыхъ революцій.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ исходъ этой борьбы оказывался весьма различнымъ; въ римскомъ государствѣ одержало побѣду сельское населеніе; Римъ, который завоевалъ міръ, былъ республикой крестьянъ-земледѣльцевъ, гдѣ поэтому главенство осталось за аристократіей. Въ нѣкоторыхъ греческихъ государствахъ господство захватила купеческая аристократія—въ Іоніи, Эгинѣ, Родосѣ а равнымъ образомъ и въ Карѳагенѣ; въ другихъ, гдѣ существовала высоко развитая промышленность, производящая товары, на вывозѣ которыхъ покоилось благосостояніе государства, какъ напр. въ Коринѳѣ, значительную роль, кромѣ того, играли и фабриканты. Въ

Аѳинахъ V-го вѣка аграрная партія все болѣе и болѣе ослабѣвала подъ давленіемъ купеческихъ и промышленныхъ интересовъ, которые здѣсь шли рука объ руку чаще, чѣмъ гдѣ либо; извѣстно, кромѣ того, какія значительныя уступки постоянно нужно было дѣлать притязаніямъ пролетаріата. Впрочемъ, къ окончательному исходу эта борьба никогда не приходила, да и не могла придти, такъ какъ противуположности всякій разъ возникали снова. Борьба заканчивалась обыкновенно только тогда, когда государство теряло внѣшнее политическое могущество и когда какая нибудь чужая держава налагала на него свою руку и обрекала на медленное и спокойное умираніе.

Но возвратимся къ предмету нашей бесѣды. Не сразу, но исподволь и постепенно, внѣ сознанія современниковъ, развивались новыя противуположности. Время, создавшее демократію, отъ начало VI-го до средины V-го вѣка, вѣрило, что достигло идеала, устранивъ отжившій средневѣковой порядокъ; оно вѣрило, что создаетъ всѣмъ гражданамъ возможность достойнаго человѣка существованія, уничтоживъ политическія перегородки и даровавъ имъ свободу и равноправность. Какъ извѣстно, требованіе, чтобы возможность существованія была обезпечена и бѣднѣйшей части населенія, было выставлено тотчасъ послѣ полной побѣды демократіи; но сначала осуществленіе его было надолго отложено *). Наоборотъ, гражданину весьма опредѣленно, было предъявлено государственное требованіе, чтобы онъ самъ себѣ добывалъ пропитаніе. Въ Аѳинахъ, гдѣ и въ этомъ случаѣ современныя тенденціи выразились наиболѣе совершеннымъ образомъ, законъ предписываетъ, чтобы каждый гражданинъ самъ заботился о своемъ пропитаніи; кто лѣнится и вслѣдствіе этого ложится тяжестью на другихъ, тотъ подвергается штрафу. Нищенство, къ которому средневѣковое общество относилось снисходительно какъ къ соціально санкціонированному явленію, здѣсь подвергалось преслѣдованію, и только неспособные къ труду, воины-инвалиды и увѣчные получали пенсію отъ государства.

Итакъ, болѣе бѣдному населенію предписывалось искать работы. Но старый порядокъ, при которомъ каждый находилъ поддержку въ томъ сословіи, въ которомъ былъ рожденъ, рушился; значительная часть сельскаго населенія вслѣдствіе долговъ лишилась собственности, а растущая конкуренція со стороны ввозимаго изъ-за моря хлѣба, понижая доходность сельскаго хозяйства, вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшала численность занятыхъ въ немъ силъ. Къ этому присоединяется быстрый ростъ городского населенія, какъ результатъ появленія многихъ новыхъ профессій, и все

*) Ибо дѣлежъ излишка государственныхъ доходовъ между всѣми гражданами, часто происходившій въ древнѣйшихъ греческихъ общинахъ, нельзя смѣшивать съ продовольствіемъ народа изъ государственной казны; этотъ дѣлежъ—лишь обратная сторона повышенія прямыхъ государственныхъ налоговъ, раздѣлъ полученнаго барыша между всѣми правомочными. Съ ростомъ государственныхъ задачъ онъ приходитъ въ упадокъ. Такъ напр., практиковавшійся раньше въ Аѳинахъ обычай раздѣла излишковъ отъ разработки лаврійскихъ серебряныхъ рудниковъ между гражданами, исчезъ послѣ того, какъ благодаря Ѳемистоклу былъ созданъ аѳинскій флотъ. — Какъ извѣстно, дѣлежъ излишковъ происходитъ еще и теперь у насъ въ нѣкоторыхъ зажиточныхъ общинахъ.

усиливающееся раздраженіе, политически и соціально проявляемое горожанами. Правда, недовольные элементы отчасти находили занятіе въ городской поденной работѣ, какъ помощники въ ремеслахъ, носильщики тяжестей, далѣе въ приморскихъ городахъ какъ матросы; другіе имѣли возможность самостоятельно заняться какимъ нибудь ремесломъ или открыть мелкую торговлю. Для большинства же незанятыхъ рукъ оставалась только промышленность. Но здѣсь возникали затрудненія съ двухъ сторонъ. Не говоря уже о томъ, что превратить сельскаго батрака въ промышленнаго рабочаго — дѣло не легкое, свободные граждане, хотя бы и угнетаемые сильной нуждой, не проявляли особенной склонности вырабатывать въ себѣ техническую снаровку для того, чтобы примѣнять ее на пользу другого; а предприниматели, быть можетъ, еще менѣе питали склонность пользоваться свободными рабочими силами. Вѣдь свободные рабочіе, предлагавшіе свои услуги, стóятъ дорого, а работаютъ лѣниво. Они требуютъ такой платы, на которую они могли бы жить; ихъ нужно сначала обучить дѣлу, а еще спорный вопросъ, возвратятъ ли они фабриканту затраченный на ихъ подготовку капиталъ; но прежде всего, они—свободные граждане, юридически и политически стоящіе наравнѣ съ работодателями, совсѣмъ не то, что на востокѣ люди, съ малолѣтства привыкшіе къ невольничьей жизни. Но промышленность нуждается въ возможно дешевыхъ рабочихъ, силы которыхъ, разъ они попали въ ея руки, она старается использовать наиболѣе совершеннымъ образомъ. Вотъ здѣсь и коренится основная причина того, что рабство достигло экономическаго значенія. За небольшой капиталъ предприниматель покупаетъ рабочую

силу, которую онъ можетъ обучить для своихъ цѣлей и затѣмъ использовать до конца. За это онъ долженъ давать рабу лишь тотъ minimum средствъ существованія, который безусловно необходимъ для того, чтобы поддерживать въ немъ способность къ работѣ; но-что самое главное — работникъ юридически совершенно въ его власти, онъ можетъ эксплоатировать его силы гораздо интенсивнѣе, чѣмъ это возможно съ рабочей силой свободнаго человѣка. Съ этого момента начинаетъ систематически практиковаться похищеніе рабовъ и торговля рабами; источниками ихъ служатъ частью войны, частью торговля съ востокомъ, а главнымъ образомъ открытыя и коммерчески подчиненныя обширныя некультурныя страны на западѣ и на Черномъ морѣ. Островъ Хіосъ, по свидѣтельству стариковъ, былъ первымъ греческимъ государствомъ, которое ввело покупку невольниковъ; отсюда, рука объ руку съ ростомъ промышленности и съ переходомъ къ новой торговой и промышленной жизни, невольничество мало по малу распространилось по всему греческому міру. Только области, въ которыхъ прочно утвердились старыя жизненныя отношенія, какъ внутренняя часть Пелопонеса и западная часть средней Греціи, остались вообще внѣ сферы распространенія рабства. Крупные центры промышленной жизни въ V-мъ столѣтіи, Коринѳъ, Аѳины, Эгина, Сиракузы, были также мѣстами, гдѣ насчитывалось и наибольшее число рабовъ.

Свободными гражданами, естественно, овладѣли тяжелыя мысли при водвореніи рабства, въ лицѣ котораго возникалъ передъ ними сильный и опасный соперникъ. Еще когда въ первой половинѣ IV-го вѣка

рабы впервые были ввезены въ большомъ числѣ въ Фокиду, мы слышимъ жалобу, что вслѣдствіе этого такое же число гражданъ лишилось заработка. *) Въ отдѣльныхъ случаяхъ государство прямо таки возвышало голосъ противъ рабства, такъ напр., къ началу VI-го вѣка тиранъ Періандръ въ Коринѳѣ запретилъ ввозъ невольниковъ. Но на долгое время эти попытки были столь же тщетными, какъ и одновременныя и сходныя съ ними попытки сохранить аграрный характеръ такихъ государствъ, какъ Аѳины, Коринѳъ и др. Ничто не могло противустоять новому движенію; ни одна община не въ состояніи была продолжительное время сопротивляться непреодолимой необходимости развить у себя индустрію, обезпечивающую ей экономическую самостоятельность. Промышленность обусловливала все большій ростъ рабства, которое распространялось тѣмъ шире, чѣмъ болѣе, благодаря политическому развитію, повышалось благосостояніе страны. Оно безраздѣльно воцаряется въ горномъ дѣлѣ. Даже ремесленникъ владѣетъ парою рабовъ въ качествѣ подручныхъ, и гражданинъ, обладающій маленькимъ капиталомъ, употребляетъ его на покупку подготовленныхъ къ торговому дѣлу или ремеслу рабовъ, для которыхъ пріобрѣтаетъ лавочку или мастерскую, гдѣ они торгуютъ или работаютъ въ пользу господина. И въ сельскомъ хозяйствѣ распространяется рабство, прежде всего уже по той причинѣ, что представитель крупнаго капитала всегда питаетъ непреодолимое желаніе сдѣлаться земельнымъ собственникомъ и такимъ

*) Эта жалоба въ Италіи ко времени Гракховъ возвышалась въ интересахъ крестьянства, вытѣсненнаго рабами изъ сферы его дѣятельности и изъ его владѣній.

путемъ оказаться въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, помѣщая часть своего состоянія если не въ самое выгодное, то въ наиболѣе обезпеченное владѣніе. Но все же рабскій трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ оставался для греческаго міра лишь исключеніемъ, главнымъ же очагомъ рабства, какъ и раньше, была промышленность, фабрика.

Здѣсь я долженъ предупредить то возраженіе, что вообще непозволительно переносить на промышленное производство древняго міра, которое всегда оставалось организованнымъ на подобіе ремесла, названіе фабрики. Мы не хотимъ спорить о словахъ, но затѣмъ мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ, какъ и почти всегда, при историко-экономическихъ обзорахъ окружающая дѣйствительность мѣшаетъ обозрѣвателю подойти къ дѣлу съ правильнымъ мѣриломъ въ рукахъ. Конечно, крупныхъ машинъ древній міръ не зналъ и гигантскія фабрики настоящаго времени оставались ему неизвѣстными; но такое промышленное дѣло, какъ фабрика оружій Демосѳена, гдѣ въ качествѣ мастеровъ работало 33 подготовленныхъ раба,—ограничиваясь только этимъ общеизвѣстнымъ примѣромъ,—даже измѣряемое современной мѣркой, не можетъ быть иначе квалифицировано, какъ фабрикой.

Изъ сказаннаго выше становится понятнымъ, почему могло возникнуть мнѣніе, будто бы античное общество покоилось на рабскомъ трудѣ и физическій трудъ въ глазахъ свободнаго человѣка былъ дѣломъ позорнымъ. Это мнѣніе находило себѣ опору вдобавокъ и въ томъ, что греческая теорія государства, выросшая на почвѣ реакціонныхъ теченій и отразившая въ себѣ исключительно реакціонныя тенденціи,

выставляетъ требованіе, согласно которому лишь тотъ должен считаться полноправнымъ гражданиномъ государства, кто можетъ существовать, не прибѣгая къ физическому труду, и цѣликомъ посвящать себя государству и своему духовному развитію; поэтому Аристотель, главный представитель этой теоріи, желаетъ исключенія изъ идеальнаго государства даже ремесленниковъ, какъ бы необходимы они ни были. Однако тотъ же Аристотель уже настолько стоитъ на современной почвѣ капитализма и порожденнаго имъ соціальнаго міровоззрѣнія, что у него совершенно сводится къ нулю государственное значеніе сельскаго хозяйства и крестьянскаго сословія, а съ другой стороны онъ выставляетъ и съ живостью защищаетъ тотъ тезисъ, что наличное состояніе, при которомъ варвары являются рабами свободныхъ грековъ, есть въ то же время и естественное состояніе, что сама природа раздѣлила людей на свободныхъ и рабовъ. И всетаки уже въ его время широкое распространеніе получилъ другой взглядъ, противъ котораго онъ полемизировалъ, именно, что рабство представляетъ нѣчто противуестественное и есть лишь дѣло рукъ человѣческихъ. Вскорѣ послѣ Аристотеля эта идея въ связи съ гуманитарными стремленіями достигла всеобщаго признанія. Конечно, до попытки осуществить теорію на практикѣ и отмѣнить рабство никогда не доходили въ древности даже самые смѣлые умы, не говоря уже о томъ, что эта попытка и не могла быть осуществлена: экономически она была совершенно невозможна.

Въ такой же мѣрѣ, какъ взглядъ на положеніе свободнаго труда, несправедливо и то мнѣніе, что каждый античный гражданинъ, или хотя бы бо̀льшая половина

ихъ, владѣла, по меньшей мѣрѣ, однимъ рабомъ. Число рабовладѣльцевъ всегда было незначительно, а число рабовъ лишь крайне рѣдко достигало численности свободнаго населенія, а превосходило ее только въ очень немногихъ промышленныхъ государствахъ. Съ другой стороны, повсюду существовало многочисленное гражданское населеніе, жившее трудами рукъ своихъ, и немало есть примѣровъ, гдѣ свободный человѣкъ нанимается на самую обыкновенную физическую работу, въ садовники, на мельницу или на фабрику. Каменщики, плотники, маляры и пр., возведшіе въ Аѳинахъ огромныя постройки, это большей частью свободные люди, хотя у иного мастера и было одинъ-два раба въ качествѣ подручныхъ. Вѣдь предпринимались же въ Аѳинахъ въ случаяхъ крайней нужды, напр., къ концу пелопонесской войны, постройки храмовъ съ тою цѣлью, чтобы дать какой нибудь заработокъ для поддержанія жизни безработному, совсѣмъ обнищавшему населенію, скучившемуся внутри городскихъ стѣнъ. Конечно, преуспѣвающій ремесленникъ или лавочникъ столь же гордился своимъ положеніемъ и своею профессіей, какъ и его современный коллега, точно также, какъ знатный землевладѣлецъ или крупный торговецъ въ свою очередь смотрѣлъ свысока на первыхъ—явленіе столь же обычное для древняго міра, какъ и для нашего времени. Только этотъ единственный фактъ и говоритъ въ пользу того утвержденія, что въ древности къ физическому труду относились съ презрѣніемъ. Вдобавокъ, объ этихъ вещахъ, какъ и вообще обо всемъ, въ то время говорили откровеннѣе насъ; ибо — характерная особенность нашей культуры — мы явно трусимъ называть вещи ихъ истиннымъ именемъ и

открыто выражать наши внутреннія чувства, если он
стоятъ въ противорѣчіи съ теоріей.

Лишь тотъ фактъ остается въ силѣ, что свободны
трудъ встрѣтилъ въ рабскомъ трудѣ очень опаснаг
даже неодолимаго соперника, который отнималъ хлѣб
у множества свободныхъ гражданъ и заставлялъ их
проводить время въ праздности, который поэтому дѣ
лалъ для нихъ невозможнымъ обзаведеніе собственно
семьей и воспитаніе дѣтей, а напротивъ возлагалъ н
государство нелегкую задачу такъ или иначе заботит
ся о ихъ существованіи, непосредственно ли въ вид
государственныхъ раздачъ денегъ и хлѣба или косвенно
съ возложеніемъ обязанности такихъ раздачъ на бога
тыхъ гражданъ. Пока государство было сильно въ по
литическомъ и коммерческомъ отношеніи, оно могл
выполнять эту задачу, но лишь только могущество ег
начало падать, въ благосостояніи и численности на
селенія долженъ былъ наступить быстрый обратны
ходъ. И здѣсь обнаруживается большое различіе межд
античными и современными отношеніями и роково
разлагающее дѣйствіе, которое рабство оказало на ан
тичный міръ. Безработица и забота о продовольстві
неимѣющихъ занятія и голодающихъ массъ ставятъ
нашему времени тяжелыя задачи; но до сихъ поръ
повидимому, удавалось хотя бы въ весьма скромныхъ
размѣрахъ бороться съ этимъ зломъ при помощи по
печительствъ о бѣдныхъ и страхованія. Напротивъ
безработнаго голоднаго пролетаріата въ такомъ объ
емѣ, въ какомъ накопила его въ крупныхъ городахъ
болѣе поздняя древность, современный капиталистиче
скій міръ еще не видѣлъ. И все же можетъ показать
ся спорнымъ, не наступило ли бы и у насъ совершенн

одобное же явленіе, если бы наша промышленность
другъ лишилась одной изъ крупныхъ заграничныхъ
бластей сбыта, или если бы населеніе возросло на-
столько, что промышленность уже не въ состояніи
ыла бы дать ему занятіе.

Такимъ образомъ, наше изслѣдованіе и здѣсь еще
азъ указало намъ, какъ заблуждается современная
еорія. Свободный трудъ, это не историческій преем-
икъ рабства, отграниченный отъ него долгимъ про-
ежуточнымъ періодомъ, а напротивъ того, онъ именно,
озникаетъ въ тотъ самый моментъ, когда и рабство
ачинаетъ выступать въ качествѣ *экономически значи-*
ельнаго фактора; оба они одного возраста, оба они
редставляютъ лишь двѣ различныя и конкурирующія
ежду собою формы, въ которыхъ пытается найти
довлетвореніе одна и та же экономическая потреб-
ость,—формы, въ которыхъ выражается одинъ и тотъ
е экономическій переворотъ. Капиталъ испытываетъ
ужду въ дешевыхъ и подвижныхъ, освобожденныхъ
тъ естественно выросшихъ отношеній патріархальнаго
редневѣкового общества, рабочихъ силахъ, которыя
нъ старается использовать въ возможно полномъ
бъемѣ. Правовая форма, въ которой они предстаютъ
ередъ нимъ, экономически имѣетъ только второсте-
енное значеніе. Если эти рабочія силы предлагаютъ
му себя одновременно и въ формѣ рабства, и въ
формѣ свободнаго рабочаго договора, то при прочихъ
равныхъ условіяхъ онъ предпочитаетъ первыя. Во-
просъ, слѣдовательно, состоитъ не въ томъ, какъ воз-
никло античное рабство, но въ томъ, чѣмъ объясняет-
ся тотъ фактъ, что аналогичное современное развитіе,
ачиная съ XIV—XV столѣтій не привело къ господ-

ству рабства. И отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть лишь тотъ, что здѣсь рѣшающую роль нужно приписать тому же самому моменту, на которомъ, при всемъ параллелизмѣ, покоится основное различіе христіано-германскаго развитія отъ античнаго. Античное развитіе шло отъ изолированности націй и раздробленности государствъ къ объединенію. Христіанское средневѣковье начинало съ единства и, несмотря на все разлагающіе элементы, сохранило унаслѣдованную отъ древности идею единства человѣческаго рода, хотя бы и ограничиваемаго христіанскимъ міромъ, и лишь въ предѣлахъ этихъ границъ создало вновь отдѣльныя національности. Несмотря на всеобщую вражду и одичаніе въ эту эпоху всеобщихъ войнъ, все же и политическое, и культурное состояніе дѣлало невозможнымъ чтобы какая либо европейская нація видѣла въ своихъ христіанскихъ сосѣдяхъ неистощимый источникъ рабовъ, совершенно подобно тому, какъ и въ греческомъ мірѣ, несмотря на многочисленные случаи исключенія все же возобладалъ тотъ этическій принципъ, что побѣжденный грекъ не можетъ быть сдѣланъ рабомъ. Вывозъ рабовъ въ большомъ количествѣ отъ нехристіанскихъ народовъ т. е. изъ Африки, въ Европу былъ физически невозможенъ, хотя и извѣстны попытки въ этомъ направленіи. Тамъ, гдѣ условія были на лицо—въ американскихъ колоніяхъ, это практиковалось самымъ безпощаднымъ образомъ. Но тамъ отсутствовала возможность промышленнаго развитія, почему и осталось только земледѣльческое и плантаторское рабство; а исторія его, какъ извѣстно, представляетъ полную аналогію съ развитіемъ земледѣльческаго рабства въ Римѣ вплоть до той поры, когда

оно закончилось освобожденіемъ, которое проявилось въ формѣ гуманитарныхъ стремленій, но фактически существеннымъ образомъ покоилось на политическихъ моментахъ.

Теперь позвольте мнѣ пропустить два столѣтія и обратиться къ послѣдней и важнѣйшей формѣ античнаго рабства, — къ рабству Римской имперіи, о которомъ я уже упоминалъ.

Римское міровое владычество, какъ уже замѣчено, составляетъ дѣло государственно-организованнаго военнаго крестьянства Италіи. Въ этомъ земледѣльческомъ классѣ рабы, благодаря непрерывнымъ войнамъ въ изобиліи бросаемые на рынокъ, играли уже далеко не малую роль. Почти всегда самостоятельный крестьянинъ имѣлъ одного или нѣсколькихъ невольниковъ для полевыхъ работъ; въ болѣе крупныхъ хозяйствахъ управляющимъ или надсмотрщикомъ (*vilicus*) былъ обыкновенно подготовленный рабъ, который пользуется довѣріемъ господина, присматриваетъ за другими батраками и служанками, назначаетъ имъ работу, выдаетъ провизію и пр. Но повсюду работаетъ и самъ крестьянинъ, а рядомъ съ нимъ стоитъ множество свободныхъ рабочихъ, частью поденщиковъ, частью мелкихъ арендаторовъ (*coloni*), которые получаютъ инвентарь и поддержку отъ земельнаго собственника и за это обрабатываютъ отведенные имъ участки. Когда консулъ Регулъ, знатнаго рода, стоялъ въ 256 г. въ Африкѣ и ему была продолжена власть на слѣдующій годъ, онъ потребовалъ, чтобы его отозвали, главнымъ образомъ потому, что отъ него разбѣжались его поденщики (*mercenarii*, не рабы) и его поля остаются невоздѣланными. Поэтому государство рѣшило взять на себя попеченіе

объ его хозяйствѣ. Въ городахъ, особенно на югѣ, но также и въ самомъ Римѣ, развилась довольно значительная индустрія съ невольничьимъ трудомъ, большую роль начинаютъ играть торговля, денежныя сдѣлки. Власть денегъ получила въ государствахъ огромное значеніе въ особенности благодаря тому обстоятельству, что государство самолично не выполняетъ ни одного изъ своихъ предпріятій, построекъ и т. д. и не получаетъ непосредственно ни одного изъ своихъ доходовъ, но отдаетъ ихъ на откупъ располагающимъ значительными капиталами компаніямъ. Но крестьянство энергически отстаиваетъ свою власть, римскій государственный порядокъ предоставляетъ населенію крупныхъ городовъ, среди котораго возрастающее значеніе получаютъ разбогатѣвшіе вольноотпущенники, фактически довольно ограниченное право гражданства, и это предупреждаетъ возможность преобладанія голосовъ горожанъ надъ голосами сельскаго населенія.

Но упроченіе мірового господства въ корнѣ преобразовало эти отношенія: оно лишило условій существованія именно то самое сословіе, благодаря которому оно было достигнуто. Быстрымъ ходомъ приводитъ оно къ ужасному и продолжительному аграрному кризису. Я не имѣю возможность разсмотрѣть здѣсь всѣ моменты, которые одновременно дѣйствовали при этомъ и вели къ одному и тому же результату. Замѣчу только, что наиболѣе рѣшающая роль принадлежала уже самому міровому положенію Италіи. Огромныя богатства стекаются въ Римъ и деньги становятся могущественной силой въ государствѣ. Съ одной стороны расширяющіяся потребности быстро растущихъ крупныхъ городовъ, главнымъ образомъ Рима, —съ другой стороны соблазны и выгоды городской жизни привлекали въ города сельское населеніе. Подобно тому, какъ всѣ продукты побережья Средиземнаго моря, такъ и хлѣбъ изъ-за моря сталъ попадать на итальянскій рынокъ; въ то же время правительство было поставлено въ неизбѣжную необходимость доставлять дешевый хлѣбъ бѣднѣйшей части населенія. Но заморскія страны производили хлѣбъ въ большемъ изобиліи и дешевле, чѣмъ Италія. Сицилія, Африка, Египетъ послѣдовательно становились житницами Италіи. И вотъ итальянское земледѣліе начинаетъ терять свою доходность даже въ такихъ выдающихся плодородіемъ районахъ, какъ Кампанія и бассейнъ рѣки По; мелкій крестьянинъ не можетъ уже болѣе противустоять иностранной конкуренціи, крупныя имѣнія начинаютъ сѣять лишь столько, сколько необходимо для удовлетворенія собственной потребности, а въ остальномъ переходятъ къ винодѣлію, добыванію маслъ, разведенію овощей и главнымъ образомъ къ пастбищному хозяйству. А въ то же время на крестьянское сословіе Италіи тяжелымъ бременемъ ложится продолжительная военная служба, изъ года въ годъ отнимающая у него его лучшія силы. Пока крестьянинъ отбываетъ воинскую повинность на стоянкѣ гдѣ нибудь въ Испаніи, Африкѣ, Греціи, хозяйство его тѣмъ временемъ приходитъ въ упадокъ, а по возвращеніи на родину, хотя бы даже и съ богатой добычей, онъ не въ состояніи поставить на прежнюю ногу свое разстроенное хозяйство, такъ какъ за это время онъ уже совершенно отвыкъ отъ сельской жизни. И вотъ необходимость заставляетъ его уступать свой участокъ за дешевую цѣну богатому сосѣду, если этотъ послѣдній еще раньше не затѣялъ процесса

съ цѣлью оттягать у него его поле и сдѣлать его жену и дѣтей своими рабами.

А рядомъ съ этимъ стоитъ жадная погоня капитала за землевладѣніемъ. Я безъ всякаго колебанія употребляю здѣсь терминъ капиталъ, хотя, быть можетъ, это и встрѣтитъ протесты. Ибо критеріемъ является тутъ стремленіе денегъ найти примѣненіе и увеличить свою силу покупкою чужой рабочей силы, заставляя ее трудиться на себя; но будетъ ли она представлена въ лицѣ промышленныхъ или сельскохозяйственныхъ рабочихъ, это обстоятельство для цѣлей историческаго обзора имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Правящая римская аристократія, начиная съ тѣхъ поръ, когда благодаря міровому владычеству Рима, въ ея рукахъ начали скопляться огромныя состоянія, прямо таки была вынуждена прикупать все больше земли, такъ какъ считалось неприличнымъ и даже прямо запрещалось ей заниматься денежными операціями и вести торговыя или промышленныя предпріятія—правда она довольно часто умѣла обходить это запрещеніе. Но и для денежныхъ людей, для спекулянтовъ, банкировъ, купцовъ, для тѣхъ элементовъ, которые постепенно формировались въ сословіе рыцарства, не было подъ конецъ иной высшей цѣли, какъ вложить часть своего состоянія въ землевладѣніе и такимъ путемъ стать наравнѣ съ правящей аристократіей. Во всѣ вѣдь времена положеніе землевладѣльца считалось самымъ почетнымъ положеніемъ.

Но капиталъ, вложенный въ землевладѣніе, столь же мало выражалъ желаніе пользоваться свободными гражданами, какъ и нѣсколькими вѣками раньше промышленный капиталъ въ Греціи. Онъ и въ наше еще время

пользуется сельскими поденщиками, такъ какъ они вообще неизбѣжны въ сельскохозяйственномъ производствѣ во время, напр., жатвы. Но въ общемъ свободныя рабочія силы слишкомъ дороги, мелкіе крестьяне, которымъ можно было бы отдавать въ аренду землю небольшими участками, слишкомъ требовательны и самостоятельны, а прежде всего—на нихъ лежитъ гнетъ военной службы. Способъ веденія хозяйства при помощи арендаторовъ и свободныхъ рабочихъ не болѣе доходенъ. Напротивъ, теперь стоитъ на готовѣ дешевая и удобная рабочая сила въ видѣ массы плѣнныхъ, которыхъ ежегодно бросаютъ на рынокъ безпрерывныя войны,—матерьялъ, покупка котораго обходится очень дешево, который можетъ быть использованъ вплоть до конца, который въ лицѣ своихъ дѣтей не только замѣщаетъ самъ себя, но и самопроизвольно возростаетъ и къ которому, наконецъ, государство не можетъ предъявить совершенно никакихъ требованій. Вотъ причина того, почему въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій въ большей части Италіи почти совершенно исчезло свободное крестьянство и крестьянское хозяйство, уступившее свое мѣсто латифундіямъ и хозяйству при помощи рабовъ. Рука объ руку съ этимъ процессомъ идетъ уже указанное выше сокращеніе земледѣлія до minimum'а и замѣщеніе его скотоводствомъ, которое не только доходнѣе, но и можетъ обходиться меньшимъ количествомъ, вдобавокъ совершенно необученныхъ рабочихъ силъ. Изъ Италіи этотъ способъ хозяйства распространяется дальше, захватывая сначала Сицилію, а затѣмъ и провинціи. Очень скоро военноплѣнныхъ уже оказывалось недостаточно; потребовалась организованная ловля рабовъ, практиковавшаяся частью ле-

гальнымъ образомъ, посредствомъ ростовщической эксплоатаціи провинцій, частью неузаконеннымъ путемъ, — путемъ пиратства, которое по этой именно причинѣ если и подвергалось преслѣдованію со стороны римскаго правительства, то лишь для вида, а въ дѣйствительности не только молча терпѣлось, но и прямо таки поощрялось, до тѣхъ поръ, пока наконецъ окрѣпшая монархія здѣсь, какъ и въ другихъ сферахъ, не положила конца неурядицѣ. О томъ, какъ латифундіи и рабское хозяйство въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій превращали въ пустыню одну цвѣтущую страну за другою, я не имѣю возможности говорить здѣсь. Какъ извѣстно, это состояніе привело къ обширнымъ возстаніямъ рабовъ во II-мъ и I-мъ столѣтіяхъ до Р. Х. Не слѣдуетъ считать эти возстанія естественной реакціей противъ института рабства самого по себѣ,—ибо посягать на его неприкосновенность не приходило въ голову ни одному изъ повстанцевъ,—напротивъ, причина ихъ лежитъ въ томъ, что огромныя массы свободныхъ раньше людей вынуждены были надѣть на себя ярмо раба, это — частью граждане греческихъ и восточныхъ государствъ, частью военные постоялцы-варвары, непривыкшіе къ рабскому труду.

Такимъ образомъ произошло то, что 68 лѣтъ спустя послѣ побѣды надъ Ганнибаломъ, 35 лѣтъ спустя послѣ подчиненія востока, Тиверій Гракхъ могъ сказать: «Животныя Италіи имѣютъ свой навѣсъ и подстилку, а тѣ, которые боролись и умирали за Италію, не могутъ ничего назвать своею собственностью, кромѣ воздуха и свѣта, и безпріютно должны скитаться съ женою и ребенкомъ; поэтому лгутъ полководцы, когда требуютъ отъ нихъ передъ битвой, чтобы они сражались за свои дѣдовскія могилы и святилища. Ибо никто не имѣетъ болѣе семейнаго святилища или предковскихъ могилъ изъ всего множества римскихъ воиновъ, и тѣ, которыхъ называютъ повелителями міра, сражаются за богатства и прихоти чужихъ людей, не обладая сами хотя бы комомъ наслѣдственной земли». Извѣстно, какъ Тиверій Гракхъ, а потомъ его братъ старались помочь горю, и какъ попытка произвести реформу закончилась только революціей, которой суждено было повести за собою, среди ужасныхъ кризисовъ, гибель итальянскаго царства.

Передъ нашими глазами развернулась полная картина опустошительнаго дѣйствія рабства. Будутъ утверждать, что въ наше время—время свободнаго труда—что либо подобное было бы абсолютно невозможно. Я могу усомниться, вѣрно ли это. Римскій капиталъ хватился за рабство, потому что оно уже было готово; если бы этой формы не было, онъ кинулся бы искать другой путь, чтобы добыть себѣ необходимыя рабочія силы, а потомъ была бы найдена и соотвѣтствующая правовая форма. Говорятъ, что Тиверію Гракху впервые пришла идея его реформы, когда, проходя черезъ Этрурію, онъ видѣлъ здѣсь полное запустѣніе страны, гдѣ пахали землю и пасли скотъ только ввезенные изъ варварскихъ странъ рабы, вытѣснившіе собою коренное крестьянское населеніе. Идея ввозить въ Германію китайскихъ кули будетъ трудно осуществима; но припомните, какими массами сельское населеніе устремляется въ города; выйдите въ поле гдѣ нибудь въ Лаузицѣ и посмотрите, сколько мелкихъ собственниковъ ведутъ здѣсь безнадежную борьбу за существованіе; взгляните въ другую сторону, на усадьбы: какъ ни-

чтожно здѣсь число долгосрочныхъ батраковъ и поденщиковъ, между которыми нѣтъ ни одного крестьянина изъ ближайшихъ поселковъ, такъ какъ трудъ его считается уже черезчуръ дорогимъ, а притязанія — чрезмѣрными; посмотрите, какъ изъ году въ годъ, лишь только наступаетъ пора полевыхъ работъ, на желѣзнодорожныхъ станціяхъ начинаютъ высаживаться цѣлыми толпами польскіе рабочіе, расходящіеся затѣмъ по имѣніямъ—и вы не въ состояніи будете отдѣлаться отъ этой мысли. Впрочемъ, существуетъ и отличіе: у насъ прогрессивно растущая промышленность готова, хотя бы до извѣстной степени, пріютить притокъ изъ деревни и дать ему занятіе, въ то время какъ въ Италіи, а позже и въ провинціяхъ огромная часть сельскаго населенія, гонимаго нуждою въ города, оказывалась безъ работы. Ибо промышленность не поднималась здѣсь выше тѣхъ предѣловъ, которые были уже достигнуты въ Греціи, да и вообще она никогда не получала въ Римѣ и среднеиталійскихъ городахъ большого значенія. Причину этого я нахожу главнымъ образомъ въ томъ обстоятельствѣ, что античный міръ достигъ единства не только въ культурномъ, но и въ политическомъ отношеніи и поэтому ему недоставало иноземнаго рынка,—ибо довольно значительная торговля съ востокомъ не имѣла съ нимъ ничего общаго, такъ какъ туда ввозились въ сущности лишь чужеземные продукты и деньги за нихъ уходили за границу. А развитіе современной крупной промышленности существеннымъ образомъ покоится на завоеваніи и эксплоатаціи иноземныхъ рынковъ.

Первое столѣтіе до Р. Х. представляетъ высшій пунктъ въ развитіи античнаго рабства. Тогда уже

окончательно сложилось то общественное состояніе, которое обычно считается типическимъ для всего древняго міра. Тогда рядомъ съ земледѣльческимъ рабствомъ выступаютъ огромныя толпы домашнихъ рабовъ, которые частью употреблялись для личнаго услуженія, частью съ утонченнымъ раздѣленіемъ труда примѣнялись для всевозможныхъ задачъ домашней индустріи. Тогда могли возникать домохозяйства огромныхъ размѣровъ, производившія все необходимое для собственнаго потребленія—отъ жизненныхъ средствъ до фабрикатовъ,—подобно тому, какъ и въ наше время это имѣетъ мѣсто въ фабричныхъ учрежденіяхъ болѣе крупныхъ размѣровъ. Но если бы кто либо пожелалъ видѣть въ этомъ явленіи типическій образецъ экономическихъ отношеній древняго міра вообще, тому достаточно было бы заглянуть хотя бы въ списокъ безчисленнаго множества ремесленныхъ корпорацій Рима или иного крупнаго города.

Къ началу эпохи цезарей развитіе рабства пріостанавливается. Съ округленіемъ и умиротвореніемъ имперіи закрывается его главный источникъ; пограничныя войны не даютъ ничего взамѣнъ. Рядомъ съ рабами появляется все возростающее число вольноотпущенниковъ, несмотря на то, что въ то же время множество обѣднѣвшихъ свободныхъ добровольно отдаются въ собственность какому нибудь господину, чтобы обезпечить себѣ хотя возможность существованія.

Свободный поденщикъ никогда не былъ совершенно вытѣсненъ даже изъ пастбищнаго хозяйства; тѣмъ болѣе при полевой культурѣ плантаторское хозяйство посредствомъ рабовъ нигдѣ не могло удержаться на

продолжительное время, потому что владѣльцы все болѣе отвыкали отъ сельской жизни и начинали смотрѣть на свои имѣнія, какъ на виллы для лѣтняго времяпровожденія и какъ на источникъ проѣдаемыхъ ими въ городѣ доходовъ. Но безъ личнаго участія владѣльца не можетъ надолго обходиться ни одна отрасль хозяйственной дѣятельности, тѣмъ болѣе—сельское хозяйство. Вотъ причина, почему здѣсь рабы стали повсюду уступать мѣсто свободнымъ колонамъ—мелкимъ крестьянамъ, наслѣдственно сидящимъ на отведенныхъ имъ участкахъ и вполнѣ зависимымъ отъ землевладѣльца.

Окончательно исчезла и изолированность, приниженность положенія рабовъ въ обществѣ. Правда, жестокое обращеніе съ ними еще не рѣдкость и, нужно думать, сужденія, подобныя тому, какое Ювеналъ влагаетъ въ уста одной римской дамѣ: «развѣ рабъ человѣкъ?», высказываются еще довольно часто. Но уже самый способъ изображенія у Ювенала показываетъ, насколько такое сужденіе противорѣчило общему сознанію. Фактически рабъ уже былъ признанъ человѣкомъ, хотя бы и встрѣчались еще единичныя сужденія и дѣйствія противуположнаго свойства. Даже законодательство принимаетъ въ немъ участіе. Конечно, оно не могло обезпечить ему самостоятельное юридическое существованіе. Но фактическое положеніе давно уже переросло положенія права. Путемъ обычая повсемѣстно было признано, что рабъ можетъ пріобрѣтать собственность (*peculium*), которую господинъ долженъ уважать и которою рабъ можетъ распоряжаться по личному усмотрѣнію; если не юридически, то фактически рабъ живетъ въ брачномъ отношеніи (*contubernim*), многіе

владѣльцы позволяютъ своимъ рабамъ дѣлать духовныя завѣщанія. Съ позволенія господина рабу разрѣшается вступать въ ремесленныя гильдіи, погребальныя кассы и проч.

Но нигдѣ современный характеръ рабства не выступаетъ яснѣе, какъ въ томъ, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ рабъ, совершенно подобно современному промышленному рабочему, имѣлъ возможность достигнуть благосостоянія и богатства, между тѣмъ какъ средневѣковый крѣпостной, позднѣйшій римскій колонъ, вилланъ эпохи рыцарства, какъ рожденные въ извѣстномъ сословіи, никогда уже не въ состояніи были выйти изъ него и даже не могли надѣяться на это для своего потомства. Сословныя различія въ средніе вѣка, это вѣчный, непреходящій естественный порядокъ, на который никто не смѣетъ посягать; въ современныхъ отношеніяхъ соціальныя различія покоятся на личномъ положеніи, на образованіи, а главнымъ образомъ, на имущественномъ состояніи отдѣльныхъ личностей. На бывшемъ рабѣ остается клеймо, даже хотя бы онъ сталъ свободенъ и богатъ, но со временъ Августа гуманныя воззрѣнія распространились такъ широко, что никто, начиная съ императора, не колебался вступать въ сношенія съ сыномъ какого нибудь вольноотпущенника, не отличая его отъ равнаго себѣ. Именно благодаря этому рабство въ древности въ не меньшей степени способствовало смѣшенію и сліянію національностей, чѣмъ въ наше время переселенія рабочихъ, отправляющихся на чужбину за заработкомъ.

Со второго вѣка по Р. Х. начинается упадокъ рабства, пока наконецъ оно не погибло медленной смертью, совершенно потерявъ былое экономическое значеніе.

Я не имѣю возможности прослѣдить здѣсь этотъ процессъ. Но результатъ былъ совсѣмъ не тотъ, что рабство уступило свое мѣсто свободному труду; напротивъ, одновременно съ нимъ погибъ и его конкурентъ, свободный трудъ. Новыя отношенія въ томъ видѣ, какъ они сложились начиная съ IV столѣтія, уже болѣе не знали свободнаго труда, но только лишь *принудительный трудъ въ наслѣдственно закрѣпленныхъ сословіяхъ*, для сельскаго населенія—въ колонатѣ, для ремесленниковъ—въ цехахъ. Такъ замыкается круговой путь. Развитіе опять возвращается къ тому пункту, отъ котораго оно первоначально исходило: средневѣковый міровой порядокъ во второй разъ выступаетъ на сценѣ исторіи.

Ланге. Эмоціи (психо-физіологическій очеркъ). Ц. 30 к.

Ледантекъ, Ф. Живое вещество. Съ двумя статьями его „Жизнь и смерть“ и 6-ю чертежами. Ц. 75 к.

Ледантекъ, Ф. Индивидуальная эволюція, наслѣдственность и неодарвинисты. Ц. 1 р.

Легренъ, М. Соціальное вырожденіе и алкоголизмъ. Ц. 75 к.

Маллесонъ. Первоначальное воспитаніе дѣтей. М. 1898. Ц. 50 к.

Масе. Исторія кусочка хлѣба. Изд. 2-е Спб. 1874. Съ 20-ю табл. рис. Ц. 75 к.

Милль, Д. С. Автобіографія. Ц. 75 к.

Милль, Д. С. Огюстъ Контъ и позитивизмъ. Съ приложеніемъ статей Спенсера и Уорда и портрета О. Конта. Ц. 1 р.

„На добрую память изъ русскихъ писателей“. Сборникъ статей и отрывковъ изъ лучшихъ русскихъ писателей и поэтовъ. Ц. 1 р. 25 к., въ изящ. перепл. 1 р. 50 к.

Паульсенъ, Ф. Нѣмецкіе университ. и ихъ историч. разв. Ц. 40 к.

Петрункевичъ, М. А. Маргарита Ангулемская и ея время. Историческій очеркъ. Ц. 1 р. 50 к.

Поллокъ, Ф. Исторія политическихъ ученій. Ц. 40 к.

Proust & Ballet. Гигіеническое лѣченіе неврастеніи. Переводъ д-ра М. И. Петрункевича. Ц. 1 р.

Ревилль, Ж. Религія въ Римѣ при Северахъ. Ц. 1 р. 50 к.

Рибо, Т. Эволюція общихъ идей. М. 98 г. Ц. 80 к.

Святловскій 2-й, В. В. Государственное страхованіе рабочихъ въ Германіи. Ц. 50 к.

Святловскій 2-й, В. В. Брентано, его жизнь, воззрѣнія и школа. Съ портретомъ Брентано. Ц. 1 р. 25 к.

Соболевъ, М. Н. Очерки изъ исторіи всемірной торговли. Ц. 1 р. 20 к.

Сорель, А. Монтескье. Переводъ подъ ред. и съ предисловіемъ проф. П. Г. Виноградова. Ц. 40 к.

Спенсеръ, Г. Классификація наукъ. Ц. 50 к.

Тейлоръ, И. Происхожденіе арійцевъ и доисторическій человѣкъ. Съ 30-ю рисунками. Ц. 1 р. 25 к.

Теннисонъ, А. Магдалина. Переводъ въ стихахъ А. М. Федорова, со статьей И. И. Иванова. „Теннисонъ и его поэзія“ и портретомъ Теннисона. Ц. 50 к.

Токвиль, А. Демократія въ Америкѣ. Переводъ съ 14 франц. изд. В. Н. Линдъ XV+628 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Тома, Ф. Внушеніе. Его значеніе въ воспитаніи. Ц. 40 к.

Уордъ, Л. Психическіе факторы цивилизаціи. Полный переводъ безъ пропусковъ и сокращеній. Ц. 1 р.

Фрейманъ, В. Ф. Свойства, классификація и каталогизировка библіотекъ. Ц. 25 к.

Фулье, А. Темпераментъ и характеръ. Ц. 1 р.

Фюстель-де-Куланжъ. Древняя гражданск. община. Ц. 2 р.

Чаннингъ, Э. Исторія Сѣверо-Америк. Соедин. Штатовъ. Ц. 1 р.

Шелли. Сочиненія. Въ переводѣ К. Д. Бальмонта. Вып. 5-й. Ц. 75 к.

Шульце-Геверницъ. Крупное производство въ Россіи. Ц. 75 к.

Поступили въ продажу новыя иллюстрированныя изданія

„ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ“

Іоганна Шерра,

со множествомъ гравюръ, картинъ, портретовъ, автографовъ, фа-
ксимиле и отдѣльныхъ прилож. Всѣ клише для этого изданія сдѣ-
ланы заграницей. Перев. съ посл. нѣм. изд. подъ ред. и съ при-
мѣч. **П. И. Вейнберга.** Отдѣлы русской и славянской литератур
обработаны болѣе подробно и самостоятельно. Книга составляетъ
два большихъ тома, болѣе 1000 стр. Цѣна 9 р.

«ФАУСТЪ»

Гёте.

ЧАСТИ I и II.

Иллюстрированный рисунками Лиценъ-Майера, Зейца и др. Съ
обширными критическими примѣч. Бойезена, Куно-Фишера, Юрь-
ева и др. Перев. Н. Н. Голованова. Часть I, ц. 1 р. 50 к.; часть II—
1 р. 75 к. Обѣимъ частямъ вмѣстѣ цѣна 3 р. За изящный пере-
плетъ каждой части 50 коп.

„Пѣснь о Гайаватѣ“

ГЕНРИ ЛОНГФЕЛЛО.

Первый полный русскій переводъ И. А. Бунина.

Иллюстрированное изданіе, съ портретомъ автора, рисунками въ
текстѣ и съ семью отдѣльными автотипіями америк. художника
Ремингтона, исполненными въ Вѣнѣ. Цѣна 1 р. 25 к.
